

Стася
Андриевская

18+

A romantic couple, a man and a woman, are shown from the chest up. They are both wearing white, textured robes. The woman is on the left, smiling and looking towards the man. The man is on the right, also smiling and looking at the woman. He is holding a white ceramic cup in his right hand. The background is softly blurred, showing warm, golden light, possibly from a fireplace or a window at night. There are two large, stylized red lipstick smudges on the image: one on the left side, partially over the woman's robe, and one on the right side, partially over the man's robe.

Личное дело
опера
Иванова

Стася Андриевская

Личное дело опера Иванова

«Автор»

2023

Стася Андриевская

Личное дело опера Иванова / Стася Андриевская — «Автор»,
2023

После предательства жены, жизнь Андрея разделилась надвое: в одной её части он любящий отец-одиночка, а в другой — строгий, вечно пропадающий на службе опер Иванов. Несочетаемо! Да ещё и няни, как назло, сбегают одна за другой, не выдержав и пары месяцев в сумасшедшей семейке! Хотя нет, одна, похоже, хочет остаться... Вот только теперь сам Иванов против: новая няня слишком молода, слишком красива, слишком добра и внимательна к нему и его детям! Что это - разбитое мужское сердце больше не хочет любить?... Или интуиция бывалого опера недаром шепчет, что всё не так просто, как кажется?

© Стася Андриевская, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Стася Андриевская

Личное дело опера Иванова

Глава 1

– Угу... Угу... – нахмутив брови, Андрей листал её рекомендации и с каким-то отрешённым отчаянием понимал, что ни черта не может в них разобрать, и дело вовсе не в буквах. – Ну что ж, Оксана Васильевна, боюсь, вы мне... в смысле *нам* не подходите.

– Почему?

Понаблюдав, как на самом краю стола чудом балансирует башня, обязательная к заполнению: рапорты, отчёты, карточки происшествий и прочие и тоскливо поморщился:

– Ну-у... Вы слишком... слишком молоды. – «И красива...» Так, стоп! Устало ткнулся лбом в ладонь: – Вы же понимаете, ребёнок непростой. Здесь опыт нужен.

– И он у меня есть! Пусть не особо богатый, но зато по профилю! К тому же, двадцать пять – это не так уж и мало!

«Не так уж и мало, это когда за простую хулиганку трёшку дают, а когда ты уже даже не помнишь каковы на ощупь женщины, это...»

Так, стоп! Чёрт, да что происходит-то?

Поднял взгляд, наткнулся на её ответный – серо-зелёный, такой доверчивый и ждущий, словно ей и самой ещё нужна нянька.

– Извините, Оксана... ээ... – демонстративно заглянул в рекомендации, хотя необходимости в этом, кроме как подчеркнуть личную незаинтересованность не было, – Оксана Васильевна, но мне нужно работать. До свидания.

Схватил первую попавшуюся папку, решительно направился к сейфу. Крутнул ручку кодового замка – раз, другой... Безуспешно. Раздражённо прихлопнул по дверце кулаком, крутнул ещё раз.

– ...Андрюх! – позвал откуда-то издалека голос. – Андрюх, это Мишкин сейф!

И Андрей очнулся. Гражданки Красновой уже не было, а Харламов, закинув ноги на стол, качался на задних ножках стула и загадочно улыбался. И сейф действительно был чужой. Да и кабинет тоже.

– Зашпарился я что-то, Олёж, – расслабив узел галстука, вернулся Андрей на место. – Душно сегодня. Наверное, гроза будет.

– Угу, – многозначительно хмыкнул Харламов и кивнул на дверь: – А это кто?

– Да это так, из диспансера. В няньки пришла проситься.

– А та? Уже всё?

– Пока нет, но, чую, скоро.

– Тогда зачем эту отшил? Она похоже расстроилась.

Андрей сделал вид что не расслышал и погрузился в писанину. Однако вскоре поймал себя на том, что вовсе не пишет, а, уставившись в одну точку, вспоминает гражданку Краснову. Вернее, не её саму, а свою странную реакцию на неё – растерянность. Как в кино: вот стук в дверь, осторожное «Можно?» И его строгое, не поднимая головы от писанины «Вы к кому?» в ответ. «К Иванову» «У Иванова сегодня неприёмный...» – наконец-то отрывает он взгляд от рапорта и...

– Андрюх, тут тебя! – протягивая телефонную трубку, вырвал его из раздумий Харламов.

– Андрей Иванович, вы меня, конечно, извините, но это уже совсем ни в какие ворота! – сходу перешла на крик няня Нина Тимофеевна. – Я, конечно, всё понимаю, но это! Это!..

Выслушав её сбивчивую истерику, Андрей положил трубку и глянул на часы.

– Всё? – с сочувствием кивнул Харламов. – И эта пала в неравной схватке?

– Я, если честно, ничего не понял. Но надо стогнать, посмотреть. Прикрой меня если что, лады? Я быстро.

– И пока я в ванной, они просто сбежали! Я из комнаты в комнату – а их нет! Батюшки родные, я на улицу – а где их там найдёшь-то? Я туда, сюда... Ох, думала, сердце остановится! – Нина Тимофеевна, пятидесятишестилетняя женщина внушительных размеров, прижала пухлую ладонь к груди. – У меня аж давление скакануло, я ведь...

– И чем всё закончилось? – думая уже не о том, что случилось, а о том, что делать, если она всё-таки решит уйти, прервал её Андрей. – Как вы их нашли?

– Мальчишка соседский сказал, что они в соседнем дворе на качелях качаются! Я туда – а они и правда, там! И хоть бы извинилась! – гневно трянула она пальцем перед Маринкиным носом, на что та лишь упрямо надулась. – Так нет! Я их домой веду, а она мне: «Ненавижу тебя, жирная корова!» Представляете?! Это... Это же вообще!

Андрей глянул на дочку, она опустила голову.

– Нина Тимофеевна, вы говорите, что безрезультатно оббегали все окрестности, но в итоге оказалось, что дети просто гуляли в соседнем дворе. Как это понимать?

– Так прятались, видать! Уж за этой-то станется!

– Марина, где вы были?

Но она молчала. А Тёмка... А что Тёмка – крутил свои верёвочки и увлечённо бормотал под нос:

– Ка-а-арова! Жирная ка-а-арова!

Н-да уж. Лучшей улики с доказательством и не придумаешь.

– Хорошо, Нина Тимофеевна, я понял. Прошу прощения за инцидент, будем принимать меры. – Андрей глянул на часы, обречённо вздохнул. – И на сегодня вы можете быть свободны.

– Меры! – фыркнула она. – Какие уж тут меры могут быть, кроме хорошего ремня? Вот вы её жалеете, а она на глазах в чудовище превращается! И Тёмку за собой тянет! Ведь пока у неё учёба с продлёнкой были – и у нас с Тёмой всё хорошо было, дружно, мирно. Но как только каникулы начались – так всё! Просто беда! – Нависла над Маринкой: – Бессовестная! А ещё дочка милиционера называется! Только отца позоришь! – Выходя из квартиры, обернулась: – При всём моём уважении, Андрей Иванович, но про вашу Марину у нас в диспансере уже байки ходят, имейте в виду! А я ведь не к ней, а к Тёмке в няньки нанималась! Ну и зачем мне тогда эта... это недоразумение в довесок? Вот уйду от вас и всё, во всём районе ведь замену мне не найдёте. Не больше дураков, так и знайте! Тем более с моим-то стажем!

Она ушла, и в кухне повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на стене и увлечённым Тёмкиным бормотанием:

– Не-е-енавижу тебя! Ка-а-арова!

И это действительно было уже слишком. Андрей повернулся к дочери, глянул строго... И она, закатив глаза, тут же вышла из кухни. Он посидел ещё немного и пошёл следом.

Марина стояла в углу возле туалета – лицом к стене, руки за спиной, – однако покорности в этом не было даже близко. Она просто сделала одолжение. За пять лет привыкла к этому углу, как к родному, даже позу изобрела фирменную – упершись лбом в стену, заплетя ногу за ногу, и покачиваясь, так это, вальяжно, из стороны в сторону. Иногда даже напевая что-то под нос.

Минут через сорок позвал её в комнату. Она медленно, опустив голову так низко, что лицо скрылось за пшеничными локонами, вошла.

– Ну? Что скажешь, Марин?

Молчание.

Андрей вздохнул. Уж каких только дознаний не приходилось ему проводить, каких только нарушителей не раскручивал на чистосердечные, но с Маринкой бесполезно. Эта если упрётся, то всё. Глухарь.

– Ну ладно, а сбежала-то зачем? Да ещё и Тёмку за собой потащила.

– Я не сбежала.

– Тогда что это было?

В ответ молчание.

– А обзывать за чем?

– А потому что она жирная корова, и я её ненавижу! – дерзко вскинула Маринка голову.

– А ну-ка... – строго тряхнул Андрей пальцем. – Чтобы завтра же извинилась, ясно? Иначе дождёшься у меня – оформлю тебя на всё лето в школьный лагерь! С дневным сном!

– А я всё равно её ненавижу, ненавижу, ненавижу! – сжав кулачки, закричала Маринка и сбежала обратно в угол.

А поздно вечером, когда дети уже спали, Андрей курил на балконе и не мог отделаться от ощущения песка, неумолимо убегающего сквозь пальцы. Вот только это был не песок, а его дочь.

Как и прежде по-детски тонкая и хрупкая, но всё-таки уже другая, с едва уловимыми очертаниями зреющей фигуры и стремительно меняющимся характером. А ведь ещё прошлым летом она была ребёнок ребёнком! И тут не то, что ругать нормально, а и в принципе просто не знаешь, как с ней дальше быть. И с каждым годом вопрос будет становиться только острее.

И во всей этой неразберихе его успокаивало только одно – Маринка хотя бы не плакала больше, как бывало поначалу, когда её мать только сбежала к этому своему турку. Тогда, помнилось, она впадала в истерики не только от обычного строгого замечания, но даже на ровном месте, не желая видеть ни бабушку, ни отца, а лишь рыдая часами и повторяя, как заведённая: «Мамочка, мамочка, мамочка...»

И вот больше не плачет, даже стоя в углу. Переросла. Уже хорошо. Значит, в целом, направление он взял верное.

Уже засыпая, снова вспомнил Краснову: её серо-зелёный чистый взгляд, смущённую улыбку. Черты лица, по которым хрен фоторобот составишь, потому что кроме как «правильные» ничего и в голову-то не идёт...

Заворочался, пытаюсь поймать ускользающий сон, но в итоге лишь улёгся на спину и уставился в тёмный, с косым отблеском уличного фонаря, потолок.

Ну да, девчонка симпатичная, но не только в этом дело. Несмотря на молодость, было в ней ещё что-то такое, из-за чего он, матёрый опер, оторвав тогда взгляд от недописанного рапорта, неожиданно растерялся. Словно почва ушла вдруг из-под ног, и он провалился во что-то невесомо-лёгкое, похожее на облако...

Этого ещё не хватало!

Глава 2

Утром сначала Нина Тимофеевна опоздала почти на полчаса, потом долго не было автобуса. В итоге Андрей так и не попал на утреннюю планёрку. А это залёт, особенно учитывая, что вчера, оставшись дома с детьми, он пропустил и вечернюю.

Едва зашёл в отделение, как дежурный сообщил, что в кабинете его поджидает посетитель.

– Я говорил, что у вас неприёмный сегодня, товарищ майор, – вскочил он со стула у себя за зарешённым стеклом дежурки, – и я бы и не пустил, но Харламов сказал...

– Ладно, Саш, расслабься. Разберёмся. Главный на месте?

– Какой-там! Сразу после планёрки рванул куда-то.

Едва Андрей открыл дверь кабинета, как сразу, одним взглядом, оценил обстановку: Генка с Мишкой, наперебой травящие бородатые байки, Харламов, вдохновенно колдующий над банкой с кипятильником... И гражданка Краснова, сидящая у его, Иванова, стола. Перед ней – лист бумаги с наваленной на него горой галетного печенья и кускового сахара, и его же, Иванова, стакан в наградном юбилейном подстаканнике, парящий свежесваренным чаем. Сама Краснова смеётся взахлёб над шуточками оперов, аж щёки порозовели.

Ещё бы не смеяться... над таким-то цирком!

И вот что интересно: всего час назад, злясь на опоздание Нины Тимофеевны, Андрей даже подумывал, а не плюнуть ли, не взять ли эту молодую? Понятно, что долго не протянет, хорошо, если хотя бы до конца месяца, но, может, за это время удастся подыскать ещё кого-то?

А теперь вдруг чётко понял, что нет. Не вариант. Вся эта свистопляsia – стрельба глазами, молодые гормоны и романтический флёр, который такие вот юные особы приписывают ментам – этого он уже нажрался в своей жизни, аж до сих пор тошнит.

Строго оправив китель и подтянув галстук, прошёл к своему столу. Не глядя по сторонам, выдернул из-под горы печенья лист, глянул на оборот: ну так и есть – его вчерашний, так и недописанный рапорт. Не выдержал, послал Харламову предельно понятный взгляд...

В кабинете теперь висела тишина. Но если опера просто затаились, с интересом наблюдая, что дальше, то Краснова, кажется, уже теряла сознание от страха. Вот и хорошо.

Снял и отложил на край стола фуражку. Нарочито медленно достал из ящика чистый лист, положил перед собой. Вывернул. Сложил руки на столе и наконец, поднял взгляд.

– Слушаю вас, гражданка Краснова.

Хмурился изо всех сил, напуская на себя того самого знаменитого «Ивановского строга-ча», который сломал сопротивуху такого количества подозреваемых, что, кроме своего портрета на доске почёта ещё и внеочередного майора¹ в своё время получил.

Но сейчас что-то явно шло не так. И хотя побледневшая Краснова, замерев, как кролик перед удавом, только и делала, что беспомощно хлопала ресницами – сам Андрей тоже чувствовал себя... странно.

Чертовски хотелось отвести взгляд, но было нельзя. Давить, так давить! Вот только и дальше смотреть становилось всё труднее – брови, будто в самоволку, неудержимо ползли из строгой кучи куда-то наверх, в умильный домик, а под ногами вместо твёрдой земли опять колыхалось чёртово облако. И ком в горле, который хочется сглотнуть, но тоже нельзя.

Положение спас помощник Петров. Ворвался в кабинет, потрясая кипой бумаг:

– Андрей Иванович, завал на сегодня! Два мордобоя, три жалобы, очередной УДОшник² и ориентировки на...

¹ «Внеочередной майор» (жарг.) – присвоение внеочередного звания майора.

² «УДОшник» (жарг.) – лицо, условно-досрочно освободившееся из мест лишения свободы и подлежащее постановке на

И замолчал, уловив, наконец, атмосферу. Но лёд тронулся. Андрей с облегчением протянул руку:

– Давай! – Забрал бумаги. – Далеко не убегай, сейчас рапорт подобью и на участок рванём. Оксана Васильевна, если у вас по существу ничего нет, то не смею задерживать. И обратите внимание, там, на двери снаружи, указаны мои приёмные дни и часы. – И, давая понять, что разговор окончен, демонстративно раскрыл папку с обращениями. – До свидания.

И она вдруг очнулась:

– Нет, подождите! Я... – суетливо зарылась в лежащий на коленях пакет, – я принесла вам... – достала вчерашние рекомендации и ещё какие-то новые бумаги. – Вот, я принесла дополнительную характеристику из института и отзыв с прежнего места работы. Он, правда, в свободной форме, но это только потому, что времени было мало, и я...

Она ещё что-то лепетала, раскладывая на столе бумаги и неловко пытаясь отодвинуть лежащее перед ней печенье, а Андрей смотрел на неё... и уже почти ненавидел. За голос её мягкий, за вновь вспыхнувший взволнованный румянец и порхающую на скуле тень от длинных ресниц. За то, что ресницы эти сегодня были подкрашены ярче вчерашнего и вдобавок подведены стрелками. И помада на губах, которой вчера не было.

Машинально бросил взгляд на свой стакан – чистый. Не успела ещё.

А ещё, вчера не было духов. Ландыш, сирень? Да, что-то такое, весеннее. И лак на ногтях сегодня ярче. И бусики на шее появились...

Скользнул взглядом ниже, по фигуре. Спихнулся, раздражённо прикрыл глаза.

Финтифлюшка бестолковая. Очередная.

– Что скажете? – наконец выдохнула она.

Андрей открыл глаза.

– Я вам ещё вчера всё сказал. Вы не подходите.

– Но...

– До свидания!

Прикрикнул так, что даже Генка Шевцов удивлённо поднял голову от изучения ориентировок. Краснова же обиженно поджала губы и сбежала, так и оставив все свои бумажки на столе.

– Лютуешь, товарищ участковый уполномоченный? – слегка осуждающе усмехнулся Харламов. – Думаешь, раз в галстук, так всё можно?

Андрей не ответил. С трудом протиснулся между двумя заваленными бумагами столами к телефону, набрал внутренний.

– Вась, зайди!

Пока ждал, собрал бумаги Красновой, сунул их вошедшему Петрову:

– В дежурку отнеси, предупреди, что это Красновой. Пусть отдадут, если ещё придёт. Ко мне больше не пускать. И давай, через двадцать минут жди на улице.

Отпустив помощника, залпом выпил полстакана подстывшего уже чая и решительно принялся переписывать вчерашний рапорт.

Но то ли после нервного трёпки с этой Красновой, то ли ещё что, но сосредоточиться было трудно. К тому же, вокруг уже вторую неделю творилось чёрте что: из восьми кабинетов их Отделения три наконец-то попали под капитальный ремонт, и всех их обитателей временно расселили куда придётся.

Андрея, то ли по старой памяти, то ли из личной вредности Львовича, отправили к операм, чудом втиснув в их и без того тесную конуру дополнительный пятый стол. Пытались и помощника Петрова сюда впихнуть, но не поместился. Отселили по соседству, к другим участковым.

И вот теперь Андрей сидел здесь – свой среди чужих, чужой среди своих – и завидовал операм чёрной завистью, а они, гады, ласково подкалывали его, цепляясь то к хождению «по форме», то к его посетителям, процентов девяносто которых составляли бабки-кляузницы.

Андрей шуточки коллег пропускал мимо ушей – с этими парнями они в своё время не один пуд соли съели: и безнадёжных «глухарей» раскрывали, и в засадах сидели, и под пулями, бывало, бегали. Так что обижаться, он на них не обижался, но, наблюдая их урывистый, непредсказуемый распорядок, слушая обсуждения очередного дела и даже просто глядя на их неформальный видок «по гражданке³», тосковал гораздо сильнее, чем раньше, сидя в своём облезлом кабинетике участкового.

Наконец закончил с рапортом, глянул на часы.

– Олег, вчера как, всё нормально?

Харламов, не поднимая головы, пожал плечами:

– Угу. Только перед самой планёркой Маруновский ваш заходил, тебя искал. Я сказал, что ты отлучился ненадолго. Ну, по личному.

– Твою мать, Олеж, ну нахрена по личному-то?

– А как ещё? Ты ж собирался вернуться вообще-то. Маруновский, кстати, стукнул на тебя Львовичу, имей в виду. Тот сегодня с утра интересовался почему тебя снова нет на планёрке, ну Маруновский задницу свою и прикрыл. Сказал, что ты с вечера как по личному свалил, так тебя и нет до сих пор.

– А Львович?

Харламов снова пожал плечами:

– Кряхтел.

Андрей досадливо дёрнул щекой.

Начальник их отделения полковник милиции Рáзумов Борис Львович был в своё время знатным опером. Но те времена давно прошли, и теперь, благополучно осев на руководящую кабинетную должность, он давно уже просто ждал выхода на пенсию, попутно пытаясь воскресить в своём отделении доблестную «милицию семидесятых», если не пятидесятых вообще. Воскресить, конечно, не удавалось – времена не те, не те нравы... И всё, что ему оставалось, это ностальгировать, а в моменты наивысшего гнева хмурить лохматые брови и долго, сердито кряхтеть.

И то, что он кряхтел из-за его, Иванова, отсутствия на планёрках – это хреново. Очень.

А вот Маруновский, метящий на должность начальника по организации работы участковых, но, по сути, такой же старший участковый, как и сам Иванов – просто ганд... Ну то есть, нехороший человек. А проще говоря – жополиз.

Но передний зуб ему, получив дисциплинарное с занесением в Личное дело, Андрей в своё время даже не за это выбил. А так... по личному делу.

Выйдя на улицу, первым делом обратил внимание на клубящуюся вдали тучу. Видно, прогноз не соврал, и гроза всё-таки будет. Да и душно так, что хоть ложись и помирай. Одурающе пахло цветущей над крыльцом Отделения акацией. В замершем воздухе лениво кружили первые хлопья тополиного пуха. Началось. Теперь чисть не чисть, а следующие минимум три недели китель с фуражкой будут словно вынутые из заснеженной задницы.

Машинально смахнул с погона невидимую соринку, глянул на часы. Итак, сначала на опорный пункт, брать объяснения с ночного дебошира, а потом...

– Андрей Иванович!

³ «По гражданке» – то есть, в неформальной, штатской одежде. Оперу (жарг.) – (оперуполномоченному сотруднику МВД), в отличие от Участкового уполномоченного не обязательно ношение уставной формы одежды на службу.

Андрей чуть не выругался – от скамейки к нему решительным шагом неслась Краснова. В глаза тут же бросился и словно магнит потянул на себя внимание струящийся подол её зелёного, игриво приоткрывающего колени платья.

– Вы извините, но я всё-таки не понимаю, причину отказа! – ещё издали начала она. – В диспансере мне сказали, что у вас острая необходимость как минимум в запасной няне! Нина Тимофеевна не справляется, она...

– Она прекрасно справляется – это раз, – очнувшись от плена точёных, перехваченных тонкими ремешками босоножек щиколоток, перебил её Андрей. – И вас это в любом случае не касается – это два. А в-третьих...

– А в-третьих, – вскинув подбородок, неожиданно дерзко прервала Краснова, – Нина Тимофеевна хотя и с большим опытом, но, по сути, обычная медсестра. Да, она профессионально ставит капельницы и меняет судна, вот только вам-то вовсе не сиделка нужна! А я, позвольте напомнить, квалифицированный педагог-дефектолог! И если вы хоть что-нибудь увидели в моих рекомендациях, то там сказано, что в институте я даже защитила программу по ранней адаптации...

– А в-третьих, – в свою очередь прервал её Андрей, – если бы мне пришлось давать вам характеристику, то первой строкой я записал бы неадекватную настойчивость. И именно это, помимо вашего возраста, меня и не устраивает. Потому что я знаю совершенно точно, что уже через неделю, максимум через две, вы начнёте устанавливать в моём доме свои правила, согласно вашей очень учёной степени, или что там у вас. Но это моя семья, Оксана Васильевна, и мои правила! А поэтому вы мне не подходите!

– Ну да! И вы ставите свои правила выше интересов ваших детей!

С трудом сдержался, чтобы не рявкнуть. Это же надо! Какая-то пигалица... Перехватил удобнее папку подмышкой и шагнул с крыльца.

– Мои дети – мои проблемы. Вас это не касается!

Проходя мимо, бросил контрольный строгий взгляд, но тут же отвёл: Краснова стояла в контражуре солнечных бликов, похожая на сказочную деву-Весну, окутанную дымкой молодой нежной зелени. Подбородок всё ещё упрямо вздёрнут, вокруг головы, словно нимб, плавают сияющие тополиные пушинки... А в глазах слёзы.

Раздражённо нахмурился. Как предсказуемо! К назойливости добавляется истерия. Прям шаблон.

Краем глаза заметил свернувшую в проезд служебную «Волгу» Львовича. Не желая сталкиваться ещё и с начальством, ускорил шаг.

– Нет, это вы проблема ваших детей, а не наоборот! – вонзилось вдруг в спину, и Андрей оглушённо замер. – Как можно быть таким эгоистом? Мне раньше казалось, вы другой, а вы, оказывается, просто диктатор и деспот!

– А, Иванов! – заметил его вылезший из машины Львович. – Сюда иди!

Не удостоив Краснову взглядом, Андрей вернулся к крыльцу, и с непонятным облегчением услышал, как зацокали, убегая прочь, каблучки за спиной.

– Это что ещё за недовольная общественность? – кивнул ей вслед Львович. – Позоришь органы, майор?

Андрей вздохнул.

– Никак нет, товарищ полковник. Это... Это по личному делу.

И Львович закричал.

– Ты, Иванов, у меня вот уже где со своими личными делами! – резанул ладонью по горлу. – Ты дождёшься, что каждое такое личное дело я буду вносить дисциплинарным в другое Личное дело, сам знаешь, какое! Ты у меня раньше срока с понижением в отставку пойдёшь! Устроил тут! – гневно потряс кулаком. – Устав не для тебя писан? Планёрки не для тебя? Отчётность не для тебя? А что тогда для тебя, Иванов? Девыцы вот эти нарядные в рабо-

чье время – это для тебя?! – Одёрнул китель. – Ус-с-строили тут балаган! Объяснительную по поводу отсутствия на планёрках мне на стол! И не дай бог там не будет уважительной причины...

– Тёмка захворал, Борис Львович, – по-простому виновато опустив голову, соврал Андрей.

И Львович вдруг тоже перешёл на простой человеческий:

– Ну вот тебе ещё... Что случилось-то?

– Думали отравился, но оказалось, просто живот прихватило. Да ничего серьёзного, обошлось уже. Я в объяснительной, тогда, подробнее...

– Да ладно, – похлопал его по плечу Львович. – Давай, считай, устное тебе вынес и хватит. Но имей в виду, Андрей, так не может продолжаться до бесконечности! Ты же всё-таки милиционер, а не торгаш какой-то с рынка – захотел, пришёл, захотел, ушёл. А ещё обратно в оперативку клянчишь! А какая тебе, к чёрту, оперативка-то, с твоими вечными личными делами? – Глянул на стоящего чуть поодаль Петрова. – На участок собрались?

– Так точно.

– Вот. – Назидательно выставил палец начальник. – Вот это дело! Давай, Иванов, не подведи честь мундира! Я тебя, может, на очень ответственное задание скоро pošлю, как лучшего участкового нашего отделения. Так что давай, не это мне! Понял?

*** **

– Сказал, что Нина Тимофеевна его полностью устраивает, и необходимости в новой или в дополнительной няне нет, – опустив голову, вздохнула Оксана.

– Так а кто про няню-то говорит? – всплеснула руками заведующая диспансером. – Про няню ещё вчера, когда он твои рекомендации отшил, всё понятно стало. Не разбирается он в этом, вот и всё. А вот сегодня... – Чуть привстала, через стол разглядывая Оксанин наряд: изумрудное шифоновое платье в мелкий цветочек и босоножки на практически плоском ходу. – Ну поня-я-ятно! Я тебе что сказала? Юбку покороче, каблуки повыше! Макияж поярче! А это что? – повела рукой. – Спортсменка-комсомолка, выпускница десятого класса. Ему почти сорок, и он прожжённый мент, Оксан! А ты как будто на школьный утренник его пригласить собралась.

– У меня нет такой одежды, как вы говорите, а макияж... Я, вроде, и так ярко?

– Да где ярко-то?! Как моль после зимовки! – И перешла вдруг на вкрадчивый шёпот: – Он ведь одинокий мужик, Оксан! Он при виде тебя должен был либо сразу рухнуть, либо начать поить чаем с печеньками и нести всякую кобелиную чушь, лишь бы ты смеялась как дурочка и давала повод думать, что между вами всё возможно, понимаешь? И тогда, вот помяни моё слово, ты уже сидела бы у него дома! А то и лежала, – подмигнула.

– Я не собираюсь с ним спать! – возмутилась Оксана.

– Ну, – пожала плечами заведующая, – это вообще твоё дело! Хочешь спи, не хочешь – не спи, мне-то без разницы. Мне главное, чтобы через две недели всё было готово. И мне казалось, что и тебе надо то же самое? – Помолчала, сверля её взглядом. – Не была бы Нинка такой тупой, так и вообще проблем бы не было. А так... Мне, честно сказать, и в голову не могло прийти, что он, в его-то положении, может отказаться от специалиста с такими рекомендациями, как у тебя. Я-то на них ставку делала! – Задумчиво покачала головой. – И чего надо мужику? Короче, ты, Краснова, если передумала или чуешь, что не потянешь, то так и скажи, буду дальше кумекать, как быть.

– Я не передумала, просто не знаю, что теперь делать. Я ведь... – Оксана вздохнула, – я ему там наговорила сегодня... Лишнего.

– О боже, Краснова, ну что ещё?

– Ну знаете, – рьяно возмутилась Оксана, – он ведь и в самом деле ведёт себя ненормально! Такое впечатление, что он о детях действительно и не думает! Только о себе и своих этих... правилах!

– Ну конечно не думает! – всплеснула руками заведующая. – Боже, Оксан, ну ты с луны что ли свалилась? Ну я же тебе всё уже объясняла! Ситуация критическая!

– Да, я помню. Просто... Просто не думала, что он действительно такой. Мне казалось он... – недоговорив, вздохнула.

– Короче, я так понимаю, вот это всё ты ему и высказала, так?

– Нет, всё не успела, нас прервали. Но и того, что успела... – Оксана виновато прикусила губу.

– Ну вот и отлично! А теперь сходишь и извинишься. Скажешь, бес попутал, похвалишь его методы воспитания, расскажешь, как восхищаешься нашей доблестной милицией в его лице. Ну и всякое такое. Самовлюблённые царьки вроде него всю дорогу на лесть падкие, точно тебе говорю! Только умоляю, на этот раз уж точно юбку короче, а каблуки выше, ладно? И макияж ярче!

Глава 3

Чпок! – смяв зелёную крышечку, палец так резко вошёл в горлышко, что кефир плеснул через край. Харламов ругнулся:

– Вот зараза! – но всё равно первым делом жадно припал к бутылке и только после того, как она опустела, потёр пятно на штанах.

– Застирай, пока не засохло, – посоветовал Андрей.

– Ничего, быстрее засохнет, быстрее отвалится, – отмахнулся Олег и вгрызся в булку. Блаженно зажмурился: – Да-а-а! Со вчерашнего обеда об этом мечтал! Чуть не сдох с голодухи! Нет, ну так-то, конечно, лучше бы борщечка с водочкой, но этого у тебя точно нет, да и мне ещё в отдел на летучку гнать.

Вид у него был потрёпанный, глаза покраснели от бессонной ночи.

– Так и не взяли? – аккуратно держа вторую бутылку подальше от своих форменных брюк, Андрей налил кефир в стакан и двинул к Олегу.

– Какой там! Он даже носа не показал, как будто чует, гад! Девки задолбались на трассе стоять – каждый хрен ведь так и норовит поднять! Особенно дальнобои. Мы с мужиками уже не выдержали, говорим, чего отлыниваете, раз такое дело и зверь не идёт, подрабатывайте на ремонт кабинета, а то, вон, участковым малину наводят, а у нас в оперской – как в заброшке! А они ржут. Помнишь, кстати, Леночку? Ну, Гаврилову? Из секретарской? Видел бы ты её задницу в чулочках, это песня какая-то!

– На живца, значит, дёргаете? – мечтательно вздохнул Андрей. – А почему решили с этого бока заходить? Пропавшие имели отношение к девицам лёгкого поведения?

– Да нет, обычные девчонки, между собой никак не связаны. Единственное, что можно считать косвенно общим, это то, что у обеих отцы эти, как их... Бизнесмены новоявленные.

– А вот это интересно. Может, отсюда и заходить?

– Да откуда мы только не заходили уже! Проверяем уже всё подряд! Не стыкуется. Поэтому отработываем все версии. Ну а что делать, Андрюх? Два эпизода, это, сам понимаешь, уже на серию тянет. А нам сейчас только серийника не хватало, особенно перед этим, мать его, слётом.

– Каким слётом?

– Ну ты чего, Иванов, совсем закис тут, на участке своём? Ветеранов МВД! Круглая дата в этом году. Вас на обеспечение порядка разве не распределили ещё?

– А, это...

Да, он действительно закис. Самогонщицы, бытовые ссоры, если повезёт – велосипед у кого-нибудь украдут или даже пацаны тачку угонят покататься. А в остальном – бумажки, бумажки, бумажки... И нехилый километраж пешим ходом по участку – по всем этим самогонщикам, дебоширам и прочим. Чувствовал себя так, словно срок мотает. Уже пятый год.

– Да мы тоже, если честно, какие-то никакие, – словно услышав его мысли, вздохнул Харламов. – Топчемся на месте, топчемся... А толку? Львович кричит: устройте мне висяка⁴ – всех, на хрен, попру за несоответствие. А мы, веришь, и так из штанов выпрыгиваем! – Вспомнил про пятно от кефира на ляжке, потёр. – Не хватает нам тебя, Андрюх! Фарта твоего и чуйки ищейской, ох, как не хватает!

– Не трави душу, Олех! Отчуялась, похоже, моя чуйка. Чем дальше, тем больше понимаю, что не вылезу уже с участковых. Львович мои прошения о переводе уже, похоже, даже не читает, сразу отклоняет. Да оно и понятно – куда мне в оперативку-то? Маринка вон, от рук отбивается совсем. И главное, при мне – тише воды, а как без меня, так нянька воет с неё! Так

⁴ «Висяк» (жарг.) – нераскрытое, «повисшее» дело, преступление.

что хорошо ещё, если не придётся вообще осесть где-нибудь в кабинете, бумажки перекладывать. Дожился, блин, отличник уголовного розыска. – Отрепённо погонял по столу крышку от кефира. Усмехнулся: – Бывший.

– Ой, ну кончай, Андрюх! Опер бывшим не бывает, тебе ли не знать! А вообще, я давно говорю – жениться тебе надо. Нет, серьёзно! Не хочешь заморачиваться с отношениями, так взял бы хоть какую-нибудь разведёнку с дитём. И ей за счастье – мужика нормального отхватила, и тебе хорошо – и баба регулярная, и дети под присмотром.

– Так, короче, – обрывая большую тему, поднялся Андрей, – это всё прекрасно, но мне пора. – Сунул в папку чистых листов, пару ручек и карандаш. – Василий! – В кабинет заглянул Петров. – Останься здесь, если Машков всё-таки подойдёт, что, конечно, вряд ли, возьмишь с него объяснения по поводу мордобоя и угроз. Только аккуратнее с ним, он ветеран Афгана, контуженный на всю голову. Будет пытаться командовать, помалкивай в ответ, не нагнетай. Я сейчас к цыганам, потом по адресам. Вернусь после обеда.

Выйдя на улицу, ударили с Олегом по рукам:

– Давай, Андрюх, не кисни! И это, я тебе теперь два по поллитра должен, – подмигнул, снова потеряв кефирное пятно на штанах, – помню!

– Ты лучше в гости нарисуйся, с Маринкой воспитательную беседу проведи, крёстный, блин.

– Ну замётано! Жди на выходные.

Харламов пошёл, а Андрей задержался у подъезда опорного пункта, докуривая. Смотрел другу в спину, на его приклатнённый походняк и оперативный, согласно поставленной задаче прикид биндюжника: выдавший виды спортивный костюм и кеды, и снова завидовал.

– Лэйла, так где Бахтыр?

– Вот только что уехал! На неделю.

На все вопросы Андрея у старшей цыганки всегда были готовы ответы: уехал, не знаю, не помню, не видела, не брала, не понимаю... А вокруг носятся дети, целые полчища детей, аж голова кругом!

Небольшой цыганский табор переехал сюда откуда-то с Кубани примерно полгода назад. Погорельцы. Жили бедно, поэтому кучно: купили старый дом в частном секторе и застроили все шесть соток участка дополнительными жилыми сараями, чем вызвали недовольство местных жителей и головняк Иванова.

Но больше всего злило, что весь этот беспредел располагался почти на границе с участком Маруновского – каких-то пару сотен метров через дорогу! Там тоже был частный сектор – живи, не хочу! Но нет, именно сюда припёрлись.

– Ты прошлый раз то же самое говорила, Лэйла! И клялась, что через неделю вернётся.

– Да? Ай, не помню, начальник!

– Значит, тогда ты за него слушай, – щёлкнул Андрей ручкой, приготовившись заполнять формуляр. – Последнее предписание вам: незаконные жилые постройки разобрать. Слышишь меня? Через неделю не уберёте, следующий раз на бульдозере приеду, ясно?

– Да где незаконные? – ловко переложила она с руки на руку орущего младенца. – Где жилые?

– А это что, по-твоему? – пнул Андрей дверь ближнего сарая, и та, заскрипев, распахнулась.

– А, так это не то, начальник! Тут никто не живёт!

– Ладно, вижу, – спокойно согласился Андрей, не подав вида, что узнал в стоящем там мотоцикле типа «мопед», тот самый, на который на прошлой неделе жаловалась одна из бабок его участка. Вернее, жаловалась-то не на сам мопед, а на соседа пацана, который с этим мопе-

дом возится. Мол, то тарахтит с утра до вечера, то красит его прямо у неё под окном, а ей вонь и шум сквозняком в форточку тянет.

Вот по окраске-то, Андрей его и узнал: серебряный, с алыми языками пламени на бачке и обклеенной трёхкопеечными монетами раме. И вопрос был даже не столько в том, как этот расписной мопед попал к цыганам, сколько в том, откуда он взялся у того пацана и стоит ли его вообще ему возвращать. Пацан-то тот, хотя и не цыган, но тоже – тот ещё хулиган.

Как ни в чём не бывало отошёл от сарая. Протянул Лэйле предписание на подпись.

– Так я не умею писать-то, начальник! – смеясь, оскалила она белые зубы. – Это тебе надо Бахтыра дожидаться! Он через неделю приедет!

– Крестик ставь! – едва сдерживаясь, рявкнул Андрей.

– Тогда на! – сунула она ему ребёнка, да так резко, что Андрей машинально взял. И замер, обалдело глядя на пунцовое от крика личико. – Где ставить, то? Тут? – положив бумажку на поднятое колено, ткнула Лэйла ручкой.

Андрей чуть склонился, чтобы глянуть, и орущий карапуз срыгнул. Щедро. Прямо на китель...

Домой мчался как угорелый. Замытое пятно стремительно высыхало, оставляя на серо-голубом сукне безобразное белёсое пятно. И Харламовское «Быстрее засохнет – быстрее отвалится» здесь вообще не работало.

Но, едва войдя в свой квартал, понял, что дома происходит конец света. Тёмка орал так, что уличные кошаны разбежались, а бабки у соседних подъездов слишком уж заискивающе и ещё издали кивали Андрею:

– Здрасти... – и, не таясь, провожали взглядами.

Дома до полного счастья оказалась, что ещё и Маринка заперлась в туалете. А Нина Тимофеевна, пунцовая и взмыленная, в предобморочном состоянии мечется по квартире и тоже орёт:

– Хватит! Хватит с меня этого дурдома!

Разобраться в этом, вот так, сходу, было не реально. Как и выманить из туалета дочку. И тем более, успокоить сына.

– Нина Тимофеевна! – пытаюсь привести её в чувства, строго прикрикнул Андрей. – Что случилось?

– Что? Что?! – зачем-то потрясая своей сумкой, орала она. – А вот что! Вот что!

А Андрей пытался удержать на руках вырывающегося, юзжащего на тонкой высокой ноте сына, и ходил за ней...

Наконец с горем пополам, но выяснил, что Марина якобы подговорила Тёмку отрезать на нянькиной сумке ручки. И это само по себе оказалось трагедией. Но и это ещё не всё: орудуя ножницами, Тёмка порезал палец. И хотя там оказалась сущая царапина, от вида крови и боли он впал в панику. А паника у аутиста – это отдельная история. Истеря, он упал и ударился головой, и это ещё больше усугубило ситуацию.

Слушая няню, Андрей суетливо ощупал голову сына – на затылке действительно стремительно росла огромная шишка.

– Всё! Всё! Провалитесь вы все! Сумасшедшая семейка! – прижимая к груди покалеченную сумку, разрыдалась Нина Тимофеевна. – И расчёта мне вашего не надо! Ничего не надо! Ни видеть вас, ни слышать не хочу! Сумасшедшие! – и с силой, так что зазвенели стёкла в окнах, хлопнула входной дверью.

И Андрей остался один-на-один с восьмилетним извивающимся в панике сыном на руках, и почти одиннадцатилетней запершейся в туалете дочкой.

Успокоить Тёмку не удалось даже через полчаса. Он уже хрипел от крика, и Андрею начало казаться, что дело не в испуге, а в шишке... Черепномозговая. Легко!

– Марин, выходи! Ну давай, дочь! – перекрикивая сына, подёргал ручку на двери. – Надо с Тёмкой в больницу ехать! Выходи!

Но она даже не отозвалась, и теперь Андрею уже начало казаться, что с ней тоже что-то не так...

Метнулся в зал, опустив орущего сына на пол, вызвал «скорую». Снова попытался выманить Маринку. Не получилось, но теперь он хотя бы расслышал, как она там шмыгает носом. Понятно. Боятся наказания за нянькину сумку...

– Марин, ну выходи! Я не буду ругаться, обещаю!

Бесполезно.

Вернувшись в зал, суетливо разделся до трусов, схватил из шкафа первые попавшиеся треники, и снова к туалету. Но на полпути его остановил звонок в дверь. В полной уверенности, что это «скорая» кинулся открывать... И замер, скрючившись с одной ногой в штанине.

Впрочем, с Красновой тоже было что-то не то, но сейчас Андрею было настолько не до неё, что он просто, на ходу надевая вторую штанину, оставил дверь открытой и побежал в комнату к сыну.

– Тёмыч, ну хорош уже, ну! – пытаюсь взять на руки, строго увещевал он его, но Артём, похоже, даже не слышал.

– Что вы делаете! – раздалось за спиной. – Вы что не видите, что только ещё больше раздражаете его?! Сейчас же выйдите отсюда!

– Чего-о-о? – обалдело обернулся Андрей. – А вы не... – это было просто феерией происходящего дурдома. Как будто конец света всё-таки настал. – Вы не... Не... – Ну, во всяком случае, дар речи у Андрея точно пропал.

И всё же, несмотря на ударившее в голову возмущение и жгучую потребность поставить эту... Краснову на место, было в её требовательно уставленном на дверь пальце что-то такое, отчего Андрей подчинился.

Слушая истерику сына теперь уже из-за закрытой двери комнаты, оделся и снова пошёл упрашивать Марину. Она не реагировала, а вот Тёмка, хотя и не сразу, но затихал.

В итоге, подъехавшая «скорая» нашла лишь всхлипывающего после истерики мальчика с небольшим порезом на пальце и шишкой на голове, и предложила на всякий случай отвезти их в травмпункт, сделать снимок.

– Я могу съездить с вами, – вызвалась вдруг Краснова, и тут же, вспыхнув, потупилась. – Если хотите, конечно.

И Андрей вдруг понял, что с ней сегодня не так: она была похожа на что-то из разряда Леночки Гончаровой, стоящей на трассе в чулочках. С той лишь разницей, что та была на оперативной работе под прикрытием, а эта... Она что, по улицам так ходит?

Короткая обтягивающая юбка, высоченные каблуки, маечка какая-то дурацкая с глубоким вырезом. Хорошо хоть поверх всего этого был накинут удлинённый пиджак. Но и он не особо спасал – стоило Красновой сменить позу, как тут же создавалось впечатление, что под пиджаком ничего нет. Вообще. Ну, кроме тела, естественно. Голого.

А ноги стройные, «от ушей», и такие... «Так, стоп! Чёрт!» – спохватился Андрей и резко отвернулся.

– Нет, Оксана ээ... – вышибло не только отчество, но и в принципе всё, что собирался сказать. – Ээ...

– Можно просто Оксана. Если хотите, конечно!

Очнулся. Тряхнув головой, нахмурился.

– Оксана Васильевна, со мной ехать не надо, но вы не могли бы какое-то время побыть здесь? Просто, у меня там, в туалете, дочка.

– Ей плохо? – встревожилась Краснова.

– Нет. Она... она просто не хочет выходить.

– Ааа... – с тактичной понятливостью отвела Краснова взгляд, но Андрею почему-то вдруг стало неловко. – Да, конечно. Я побуду, не переживайте.

В «травме» пробыли часа три, точно. Опять летел к чертям весь запланированный на день объём работ, но, при удачном раскладе, ещё можно было бы успеть на планёрку.

Нужно было успеть!

Из автомата в фойе больницы дозвонился на опорный пункт. Дежурящий там Петров доложил, что принял две новые бытовые жалобы от населения, и что дебошир так не явился для дачи объяснений. Отправив помощника разбираться по жалобам, Андрей поспешил домой.

Дверь ему открыла дочка – уже хорошо!

– Привет! – как можно обыденнее улыбнулся он ей. – Как дела? Чем занимаешься?

– Нормально! Рисую.

– Рисуешь, это хорошо... – сняв с Тёмки сандалии, потрепал Андрей Маринку по голове, и поспешил в комнату, переодеваться.

И замер на пороге: Краснова утюжила его китель!

– Стоять! – слёту выдернул он его из-под утюга. – Ну что вы снова лезете, куда не просят?! Нельзя гладить, там пятно и... – И замер. Непонимающе повертел китель в руках. – Пятно. Вот здесь...

Краснова испуганно прижала к груди марлю, через которую утюжила:

– Так я его вывела.

– В смысле...

– Ну, в смысле, над чайником. Паром! Но вы не переживайте, я сначала на подвороте проверила – не линяет.

– А... – От неожиданности мысли Андрея разбежались. – Тогда ладно.

Вернул китель на гладильную доску.

– Тут немного осталось, – подхватила его Краснова. – Рукав чуть-чуть. Я сейчас!

– Да, конечно.

Взгляд упал на брюки и рубашку, которые он в суматохе швырнул, как придётся. Теперь же они, аккуратно выглаженные, висели на зацепленных за дверцу шифоньера плечиках. Стало вдруг мучительно неловко.

Глянул украдкой на Краснову, на этот её нелепый прикид – лохматую причёску, боевой раскрас и остальное: юбчонку, едва прикрывающую задницу и обтягивающую маечку. Сейчас, без пиджака, было отчётливо видно, что под майкой нет лифчика. Вторя движениям утюга, высокая грудь упруго колыхалась и...

...Сжать крепко – до испуганного от неожиданности всхлипа, до дрожащих, полуприкрытых ресниц...

Ч-ч-чёрт! Отвернулся. Выдохнул, отгоняя наваждение.

– Вот, готово!

– Спасибо, – не глядя, выхватил он китель из её рук.

– Обедать будете? Хотя, скорее, ужинать уже. Я посмотрела, там суп свежий на плите, Нина Тимофеевна, наверное, сварила. Подогреть?

– Нет, не успеваю. – Замялся. – Оксана... вы не могли бы выйти? Мне нужно переодеться.

– Да, конечно, извините! – испуганно спохватилась она.

И вот она упорхнула, а её запах остался. И он, в отличие от неё самой, был свежий, нежный и чистый, как воздух после весенней грозы. Висел в комнате, едва уловимо струился с побывавшей в её руках рубашки. И действовал на Андрея как-то... ненормально.

И только потом, уже в автобусе, он понял, что по запарке всё-таки назвал её просто Оксаной.

Хреновый знак.

Глава 4

После планёрки и почти полуторачасовой писанины отчётов, наконец поехал домой. Но по дороге вышел из автобуса на пять остановок раньше, у стадиона на Ленина, и двинул к девятиэтажкам.

Действовал по наитию и не прогадал – вечно отсутствующий по месту прописки дебошир Машков сегодня оказался дома.

– Может пивка, майор? – пустив Андрея на кухню, беззаботно мусолил он плавничок сушёной воблы, но смотрел при этом цепко, насквозь. – Холодненькое! М?

– Обойдётся объяснительной, – не ведясь на провокацию, вынул Андрей из папки чистый лист. – Вернее, двумя. Одна по поводу драки, вторая – причина неявки на участок по вызову.

– Да ты хоть понимаешь, к кому пришёл, майор? – угрожающе процедил сквозь зубы Машков. – С кого объяснительную требуешь? Да я с тобой не то, что говорить не обязан, а ты мне ещё и честь отдавать будешь, если прикажу!

Андрей выдержал его тяжёлый взгляд, отмечая при этом трёхдневную щетину «на расслабоне», майку со свежим пятном рыбьего жира на груди, и домашние, растянутые треники. На героя Советского Союза Машков сейчас, прямо скажем, не тянул, несмотря даже на железную выправку, которую уже ничем не погнуть, даже бытовухой. Но, с другой стороны, настоящие, некабинетные герои, они вот такие и есть – неидеальные по жизни.

– Я к вашим боевым заслугам, товарищ полковник в отставке, – звание подчеркнул специально, давая понять, что прекрасно понимает, с кем имеет дело, – отношусь с большим уважением, но они не дают вам права нарушать общественный порядок и запугивать население.

Сохранять официальный тон было довольно сложно. Потому что герой героем, звание званием, но вообще-то они с Машковым были одноклассниками. И районная милиция – это, конечно, не отряд специального назначения в Афгане, но и не какая-нибудь там охранка на складе с картошкой. И тоже заслуживает как минимум уважения.

– Да ладно? – усмехнулся Машков. – А если это твоё население плевать хотело на этот твой общественный порядок, тогда как быть? Я этому гаду раз сказал убрать дерьмо за своей собакой в подъезде, два сказал... Не понимает! А в морду дал – сразу дошло! А в Афгане я бы его в яму на сутки посадил – днём жара и мухи, ночью холод и шакалы. Зато на утро – другой человек!

– Но вы не в Афгане. Здесь достаточно было написать заявление участковому.

– Знаешь, куда иди со своими заявлениями, майор? Я боевой офицер, а не какая-нибудь крыса кабинетная, чтобы бумажки строчить!

Зацепило! Аж кулаки зачесались. Но Андрей лишь выдохнул, сдерживаясь.

– Значит, вы не отрицаете, что инцидент был? Удары кулаком в лицо, нецензурные оскорбления. А ещё, угрозы сексуального насилия, так?

Машков рассмеялся.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я и вправду собираюсь его трахать, майор?

Андрей придвинул к нему лист:

– Ну вот и отлично. Так и пишите: «Угрожал, но на самом деле не собираюсь»

– Не понял, – недобро сощурился Машков, – ты шутишь или издеваешься?

Андрей задержал взгляд на его жёстком лице. Всё-таки опасный тип. Нестабильная психика, слишком легко заводится. Вероятно, последствия контузии.

– Я работаю. У вас, Денис Игоревич, в армии свои порядки, а у нас в милиции свои. И в ваших же интересах написать объяснительную и постараться договориться с потерпевшим полюбовно, чтобы материалы просто ушли в архив.

– Вот ишейка дотошная! – усмехнулся Машков. – Ладно, майор, уговорил. Да расслабься, думаешь, не понимаю, каково тебе сдерживаться?

А может, и нет никакой нестабильности, а одному только Машкову понятная игра. И тут ещё вопрос, что лучше, ведь чем скрытнее мотивы, тем опаснее личность их имеющая, а Машков, к тому же, матёрый и самодостаточный, как волчара-одиночка, спецназовец. Такой если вцепится, то мёртвой хваткой. А, не дай бог, в криминал сунется – весь район кровью умоется, точно⁵

– Служба твоя ментовская хотя и собачья, но без неё тоже никак, – щёлкнув ручкой, протянул к себе лист Машков. – Только учти, что я вот эту всю хрень писать буду исключительно из уважения к тебе. А самому мне до этого гада дела нет, клал я на его жалобы. Мне проще его в лесочке прикопать, чем договариваться.

– Вы бы осторожнее с выражениями, Денис Игоревич. Слово не воробей.

Машков только усмехнулся и погрузился в писанину.

Пока он писал, Андрей осматривался. Обычная панельная трёшка в обычном доме, обычного, не самого благополучного района, но вот ремонт... Он был свежий, практически нулёвый, и настолько дорогой, что даже сам Машков в своих замызганных трениках смотрелся здесь чуждо. Как будто случайно пивка зашёл попить.

– Разрешите личный вопрос, Денис Игоревич? Это ваша квартира?

Машков заинтересованно поднял голову. Встретились с Андреем взглядами.

– Скорее жены и дочери. Для них купил. Отремонтировал, обставил. А что?

– То есть, в финансах вы недостатка явно не испытываете. И, сдаётся мне, что это вовсе не офицерская пенсия, и даже не надбавка за «Героя». Скажите, вы...

– Да ты задолбал мне «выкать», майор! – перебил вдруг Машков. – Давай как-то попроще, а? На вот, не потеряй! – сунул ему объяснительную. – И всё, официальная часть объявляется закрытой. – Откупорил новую бутылку пива. – Может, всё-таки выпьешь? Рабочий день-то наверняка уже закончился?

Хотелось. Чертовски хотелось! Аж слюна набежала.

– Нет, спасибо.

– Честь мундира блюдёшь? Уважаю. – Припал к бутылке, в один заход выпив почти до дна. – А вот на счёт финансов... – Задумчиво обвёл взглядом кухню. – Ты, конечно, про криминал подумал, но нет, я беспредел не уважаю, мне кровью заработанный авторитет героя дороже бабла. Но слышал, может, штука такая есть – бизнес называется?

Андрей усмехнулся:

– Фарца? Купи-продай, только масштабы посolidнее. – Кинул взгляд на импортный холодильник. – Думаю, значительно solidнее.

Машков тоже усмехнулся.

– Осуждаешь? Думаешь, продался офицер, за длинным рублём погнался, да? А я тебе так скажу – когда надо было жизнью рисковать, я за ценой не стоял и по окопам не отсиживался. Всё, что я умею – воевать. И когда на гражданку по ранению вышел, тут-то и понял, что нет мне места в мирной жизни. В военкомате бумажки перекладывать, или пузо в высоком кабинете отращивать – не моё это, лучше сдохнуть. И если бы ты только знал, майор, как меня тогда ломало! Я ведь на полном серьёзе жалел, что из Афгана живой вернулся, чуть не спился к чертям. – Задумчиво помолчал. – А потом один мой хороший друг, тоже офицер, сказал, что жизнь это и есть война, и пока ты жив – где-то кипит твой личный бой, и нет ничего позорнее, чем сбежать с него раньше времени. Просто у каждого фронта своя битва, понимаешь? Я вояка, ты мент. А ещё есть врачи, учителя, учёные... Много всяких. И каждый должен оставаться на

⁵ Денис Машков – один из главных героев цикла остросюжетных любовных романов Стаси Андриевской «Откровения о...», опубликованного в бесплатном доступе в сети интернет. Дополнительная информация есть в группе автора в ВК

своём месте ровно до тех пор, пока он там нужен. А потом, когда миссия выполнена, приходит пора искать новую битву, и так до самой смерти. Вот и я нашёл свою новую – в бизнесе. И вот что я тебе скажу – другие времена наступят. Совсем другие. Бизнес теперь, это не обязательно купи-продай. Иногда это ещё и: восстанови старое, создай новое, дай людям работу, оставь после себя что-то настоящее, что-то кроме кучки своих вонючих понтов. Ну и конкуренция, конечно. Конкуренция – это вообще особый кайф!

Замолчал, со смаком опустошая очередную бутылку пива.

– Кстати, майор! У меня как раз есть место в службе безопасности. Пять человек в бригаде, все ребята заинтересованные, дисциплина как в армии. В обязанностях – сопровождение руководства на переговорах. Никаких выработок с восьми до восьми, никаких кабинетов, рапортов и разводов. Хорошая зарплата и страховка. Вот у тебя семья есть, майор?

– Дети, двое.

Машков кивнул:

– И им тоже страховка, на случай если с тобой что-то случится. Ну, на переговорах. – Многозначительно двинул бровями, Андрей понял. – Как видишь, работка непыльная, но очень ответственная. Пойдёшь?

Андрей усмехнулся. Предложение – «просто космос!», как сказала бы его бывшая жена. Она вообще любила, чтобы непыльно и денег побольше.

Мотнув головой, сморгнув неприятные воспоминания: ангельское личико, пшеничные локоны и вечно надутые капризные губы: «Ну за-а-а-ай... Ну ты же говорил, что со следующей зарплаты точно купишь!» Причём, не важно, что купить, главное, чтобы у Машки, Дашки, Сашки и какой-нибудь там Промокашки не оказалось такого же, или не дай бог лучше...

Забрав со стола объяснительную, Андрей аккуратно уложил её в папку, защёлкнул замки.

– Предложение, конечно, лестное, но нет. Я мент. И, может, служба моя и собачья, но это, как вы говорите, моя битва, и она ещё точно не окончена. И я, если честно, даже не представляю, что может случиться, чтобы я её оставил.

– Верность своему делу, это достойно уважения, – кивнул Машков. – Но не душно ли тебе в участковых, майор? Издалека же видно, что ты давно уже свой потолок башкой подпираешь.

– Душно, да. Но в прошлом я опер УГРО, а опер бывшим не бывает. Просто временные обстоятельства. Так что насчёт участкового – это мы ещё посмотрим.

До дома добрался только вначале девятого.

– То есть как – спит? – не поверил своим ушам, даже заглянул в комнату, где действительно мирно сопёл Тёмка. Озадаченно вышел в коридор. – Он обычно до полуночи не унимается.

– Просто ему нужно чаще гулять, – скованно, словно не зная, как себя вести и куда девать руки, улыбнулась Краснова. – Хотя бы во дворе, но лучше ходить куда-то вроде парка или даже просто по людным улицам, чтобы было больше раздражителей. Для него это, конечно, стресс, но он необходим ему для развития. Ну и сон нагуливает, конечно. Тут главное – не переборщить с эмоциями.

Пока она говорила, Андрей отметил, что она снова надела свой пиджак, и даже застегнулась на все пуговицы. Хорошо, хватило ума. Ещё бы умылась, вообще бы замечательно было! Не говоря уже о нормальной одежде... Перед глазами отчётливо встал вчерашний игриво прикрывающий колени подол зелёного платья. Вот это действительно было красиво!

– Разогреть вам суп? – вырвала его из задумчивости Краснова. – Марина отказалась есть, думаю, потому что его варила Нина Тимофеевна, но, возможно, с вами за компанию и захочет.

После сумасшедшего дня, обстановка дома была настолько непривычно умиротворённой, что Андрей лишь благодушно махнул рукой и решил:

– А давайте! Но только и вы с нами, да? Тоже за компанию. А потом обсудим условия вашей работы у нас.

Краснова на ужин с радостью согласилась, а вот Марина снова заупрямилась. И хотя она послушно села со всеми за стол, но есть не спешила, только ковырялась ложкой в тарелке и вздыхала.

– Ешь! – нарезая хлеб, велел Андрей. – Хватит вымудряться!

А уже в следующее мгновение Краснова, отправившая в рот первую ложку, замерла... И вдруг аккуратно прикрывшись куском хлеба, выплюнула суп обратно в тарелку. Смутилась.

– Извините, он... С ним что-то не то.

По тому, как Маринка втянула голову в плечи, Андрей сразу всё понял, но всё-таки тоже попробовал. Суп был жутко пересолённый, и в то же время сладкий, и вместе с тем кислый – один бог знает, чего эта неуправляемая вредина туда насыпала! Нахмурившись, отложил ложку, и дочка, посидев ещё пару мгновений, без лишних слов встала и пошла в коридор.

– Марина, постой... – начала было Краснова, но Андрей вскинул руку:

– Пусть идёт!

Наверное, получилось резковато, потому что Краснова вздрогнула и испуганно сжалась.

– Вы неправы, Андрей Иванович. Этот конфликт уже исчерпан. Понятно же, что она испортила суп до того, как заперлась в туалете! У неё и без того такой безумный день сегодня, что всё, что сейчас действительно нужно, это просто спокойно поговорить!

Андрей усмехнулся. Началось. Какие там неделя – две! Шести часов хватило.

– Спасибо за совет, Оксана Васильевна, но я сам разберусь, что нужно.

Краснова помолчала, но надолго её не хватило.

– Ну неужели вам самому не интересно узнать, что её движет? Она ведь абсолютно адекватная, умная девочка! И вот это всё, – указала на суп, – может быть не вредительством, а попыткой привлечь ваше внимание, которого ей не хватает! Не задумывались об этом?

– Я вам очень благодарен за помощь, сегодня мне это действительно было необходимо, – с досадой глядя на отпечатавшийся под её нижним веком след от ресниц, кивнул Андрей. – Но в остальном... Боюсь, если так пойдёт дальше, то мы с вами всё-таки не сработаемся. И поверьте, мне будет очень жаль! Поэтому, пожалуйста, давайте сведём к минимуму все возможные недоразумения? Ваша задача – просто приглядывать за детьми в моё отсутствие. А когда я дома, я занимаюсь ими сам. Это понятно?

Краснова как-то обмякла и прикусила губу, но при этом Андрей буквально чувствовал, как её раздрает.

– Хорошо. Но... Можно хотя бы сейчас я пойду к ней? Мне правда кажется, что ей очень плохо.

– Нет, нельзя. Так вы только покажете ей, что можно творить что угодно, а потом жалостью выпрашивать прощения. Я же хочу, чтобы она училась ответственности за свои поступки. К тому же, она всё равно не будет сейчас разговаривать. Уж поверьте. А когда будет готова – она сама придёт.

И в этот момент случилось то, чего Андрей не слышал уже пару-тройку лет – из коридора донеслись всхлипы. Краснова вскочила, но Андрей схватил её за руку.

– Нет! Вы прекрасно видели, что я её в этот угол не ставил. Она сама себя туда поставила, как и в туалете саму себя заперла. И она прекрасно знает, что ничто не мешает ей прийти сюда прямо сейчас и поговорить, но всё равно не идёт. А значит, она не готова к серьёзному разговору.

Лицо Красновой исказилось, словно на месте Андрея она увидела вдруг таракана и собирается прибить его тапком:

– В угол? Саму себя?! Браво, Андрей Иванович! У вас прекрасный дрессированный ребёнок! – и выдернув руку из его пальцев, всё-таки поспешила к Марине.

Андрей не собирался следить за временем, само как-то получилось: Красновой не было ровно двадцать четыре минуты. И всё это время он боролся с собой, чтобы тоже не пойти туда, где звучал её спокойный тихий голос и, хотя и значительно реже, но всё-таки, раздавался в ответ голосок дочери.

Злился. Очень злился!

Да, в детстве он и сам был тот ещё шпана, вся деревня стонала от его выходок. Но у него был отец, который драл с него три шкуры за каждую провинность – строго и последовательно, не поддаваясь жалости, так, что к юности Андрей уже точно знал, что такое хорошо и что такое плохо, мог прогнозировать последствия своих действий и нести за них ответственность. И хотя по детству ему частенько казалось, что отец его не любит, с возрастом стало понятно, что всё с точностью до наоборот – отец очень его любил. Просто родительская любовь, это, прежде всего, ответственность за своего ребёнка. И во многом именно благодаря отцу Андрей пошёл не по наклонной, а в МВД, благодаря ему имел теперь внутренний стержень и чёткую систему ценностей. А ещё – это всё стало возможно благодаря маме, которая не вмешивалась в воспитание отца. Она очень любила Андрея, заботилась, жалела, иногда тайком пыталась покрывать его выходки – но никогда, НИКОГДА не лезла отцу под руку, ни на секунду не давая повода усомниться в нём сыну.

А эта Краснова... Она кто такая вообще?!

И вот, через двадцать четыре минуты, когда она вернулась на кухню, Андрей уже чётко понимал, что так не пойдёт. И лучше уж он, вызвав недовольство Львовича, возьмёт отпуск за свой счёт, но найдёт детям нормальную няню, чем доверить их этой.

– Оксана Васильевна, извините, но вы мне всё-таки не подходите.

– Вам? – с какой-то усталой иронией подняла она бровь. – Ну надо же, такой взрослый дяденька, милиционер, а нянечку себе ищет.

Андрей поднялся.

– Вам пора, Оксана Васильевна. До свидания.

– Я думала вы другой, – понизив голос почти до шёпота, горько усмехнулась она. – Нет, вы точно были другим! Я помню! Когда вы к нам в школу приходили и рассказывали о том, какая у вас сложная, но важная работа, мы всем классом хотели быть похожими на вас! Вы нам говорили про ответственность и человечность – главные качества советского милиционера, а мы слушали вас, и понимали, что это главные качества вообще любого нормального человека! Когда я вам в девятом классе почётную грамоту от нашей школы рисовала, я гордилась тем, что именно мне поручили такое важное задание. А когда вы мне потом руку жали перед всей школой, у меня было чувство, словно это не я вам, а вы мне эту грамоту вручили. Я гордилась этим рукопожатием! Пример с вас брала! И что? Где это всё теперь? Прошло всего десять лет, а вы из остроумного, открытого и смелого героя превратились в... В самодура! Где ваша хваленая ответственность? Где человечность?! У вас дети задыхаются от муштры! Хотя ладно, Тёмушке, как ни странно, проще, потому что он обращён в себя, но Марина? Она девочка! Ей не дрессировка ваша дурацкая нужна, а ласка! Ей мама нужна! А вы... Вы своими идиотскими амбициями её просто калечите! И знаете что, это не я вам не подхожу, а вы, вы мне не подходите! Вы вообще никому не подходите, потому что вам на всех плевать! И если бы я... Если бы мне только... – подбородок её вдруг задрожал. – Если бы не... – по щекам скользнули окрашенные тушью дорожки. – Да ну вас! Мне просто детей ваших жалко, понятно?!

После того, как она убежала, Андрей ещё долго стоял в коридоре. И чувствовал себя вдруг таким старым...

Конечно, он помнил ту школу, которая в далёких семидесятых взяла над ним «шефство» – как шутили у них в отделе. На самом-то деле это, конечно, ему, оперу Иванову поручено было раз в учебную четверть проводить общешкольный «Урок правопорядка», но обер-

нулось это почти назойливой опекой местных Тимуровцев. Вплоть до бутербродов к обеду, оставленных для него в дежурке Отделения.

Помнил он и ту торжественную линейку, на которой, по случаю присвоения очередного звания капитана милиции, подшефные вручили ему особенную, школьную грамоту. И девчонку, которая её вручала, помнил. Помнил, но не узнавал. И не узнал бы, если бы она сама не сказала.

Банальная, изъезженная метафора про лебедей и гадких утят... А только сейчас стало вдруг понятно, насколько она меткая.

Та девчонка была активисткой школы и заводилой среди тех самых дотошных Тимуровцев. И бутерброды – это наверняка её идея. Как и грамота. И та девчонка, как и большинство активисток всех времён, была какая-то блёклая и среди одноклассниц своих выделялась не миловидностью, а наоборот – несуразностью.

А Оксана... В смысле, Краснова – она вообще другая. И если бы не её дурацкий наряд сегодня...

А вот кстати, к чему такие резкие метаморфозы?

Впрочем, чего прикидываться, её цель была теперь для Андрея очевидна, не мальчик уже. Только интересно, как далеко заходят её планы? Просто постель, или о штампе в паспорте тоже мечтает?

А вообще, странно это. Молодая, красивая, умница, хотя и с характером. Зачем ей всё это? И что за нелепые одинаковые грабли порасставлены в его собственной жизни?

Из комнаты вдруг осторожно выглянула Марина.

– Иди сюда, – поманил её Андрей. – Расскажу тебе кое-что.

Взял на руки, отнёс на балкон и, усадив на подоконник, откинул с её лица волосы – целые стога золотой пшеницы... Рассказывал ей про своего отца, которого Маринка, увы, не застала, и про свою маму, которая взяла на себя все заботы о Марине, когда её собственная мама «уехала»

Наступив на горло гордости, какими-то нелепыми обвиняками, пытался донести, как тяжело ему с тех пор, как и бабушки тоже не стало, и обнадёжить дочку, что скоро она вырастет и станет совсем самостоятельной. Ну а пока... Пока не получится у них без няни, вот такая штука.

– Ну скажи, чем тебя так не устраивает Нина Тимофеевна?

Маринка грызла губу и молчала.

– Хорошо, тогда скажи, какая тебя устроит. Ну? Какая она должна быть?

Маринка пожалала плечами.

– Так что же получается – ты сама не знаешь, чего хочешь и просто вредничаешь, да? А мне нужно работать, ты же понимаешь. Понимаешь?

Кивнула.

– Тогда давай с тобой так договоримся – завтра мы возвращаем Нину Тимофеевну, и пока я не найду кого-нибудь ещё, ты ведёшь себя как умненькая, послушная девочка. Хорошо? Не вредничаешь, не портишь чужие вещи, не обзываешься... – с каждым его новым «не» Марина всё сильнее хмурилась. – Не учишь глупостям Тёмку и не сбегаешь из дома...

– Я не сбегала! – не выдержала Марина. – Просто Тёмка просился гулять, а Нина Тимофеевна кричала, чтобы он отстал. И я сама его отвела! И мы не прятались, мы просто на качелях качались!

Андрей нахмурился.

– А Нина Тимофеевна чем занималась, когда вы уходили?

– Ничем! Она вообще всегда только телевизор смотрит и кричит, когда ей мешают. – Помолчала, наматывая на палец локон. – А ещё она Тёмку за уши треплет и дебилом обзывает!

Андрей нахмурился ещё сильнее.

– И давно она так себя ведёт?

Маринка затравленно глянула на него исподлобья, словно боясь признаться.

– Всегда.

Андрей поиграл желваками. Вот как тут поймёшь – правда это, или очередная диверсия против няньки?

– А почему ты мне раньше об этом не рассказывала?

Маринкин подбородок вдруг задрожал, и она вцепилась в Андрея, повисла у него на шее, шепча:

– Папочка, не уезжай, я больше так не буду! – и заплакала.

– Куда? Эй, глупыш, – обняв ладонями, заглянул он в её личико, – куда я должен уехать?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Как мама...

А вот это интересно. Тему мамы не поднимали очень давно – как-то само собой так получилось, словно Марина однажды сама отсекла от себя эту болячку. И вот, на тебе!

– Кто тебе такое сказал, дочь?

Она молчала. Боялась, Андрей видел. И уже точно знал, что никакие это не козни.

– Нина Тимофеевна? Марин, говори, не бойся.

Она кивнула. У Андрея аж кулаки сжались.

– А что ещё она говорила?

– Что мама уехала, потому что я дрянная девчонка. И что если я тебе про Тёмку расскажу, то она тоже расскажет тебе, что я дрянная девчонка, и ты тоже уедешь!

Говоря, цеплялась за него так отчаянно, словно кто-то большой и невидимый держал её над пропастью, и она боялась упасть. Андрей прижал её к себе, успокаивая.

– Хорошо, что рассказала! Молодец!

– Ты не уедешь?

– Без вас с Тёмкой – ни за что на свете!

– А Нина Тимофеевна говорит, что если я буду много языком трепать, то ты влюбишься и родишь себе других деток: послушную дочку и нормального сына. И уедешь от нас. Как мама! А мы с Тёмкой в детский дом отправимся.

Андрея разрывало от злости, но он только вздохнул как можно небрежнее:

– Я эту вашу Нину Тимофеевну завтра, пожалуй, выпорю, чтобы глупости не говорила!

Маринка хрюкнула, слёзы в глазах тут же сменились ажиотажем:

– Правда? Я тоже хочу!

– Нет уж, знаешь... Хватит с тебя! Ты ей и так сегодня сумку испортила. А могла бы просто раньше мне всё рассказать!

– Это не я! Это Тёмка!

Андрей строго нахмурил брови.

– Опять врёшь? Не стыдно тебе? Тёмка ножницы даже взять не сможет правильно, не то, что там резать. Разве что палец поцарапать.

– А это уже не он! – деловито замотыляла ногами Маринка. – Это нянька ему поцарапала! Она его проучить хотела, а он ей в волосы вцепился, и она его толкнула, и он упал.

Андрей с такой силой сжал край подоконника, что, казалось, отломает.

– А потом что было?

– Не знаю, – дёрнула Маринка плечами, – я в туалете закрылась.

– Ну понятно, – сквозь зубы процедил Андрей и силой заставил себя улыбнуться. – Ладно, разберёмся. Давай спать, да? Кстати, а суп-то ты зачем испортила?

Маринка пожала плечами:

– Просто.

Просто. Андрей усмехнулся. Вот на этих-то «просто» и завалились все остальные няньки, которые были до Тимофеевны. Что тут и говорить, дочуня его не подарок, как и сын, но всё равно ни одна сволочь не посмеет издеваться над ними!

*** **

Оксана полночи проревела, уткнувшись лицом в подушку. Было так стыдно! Что на неё нашло, ну зачем она всё это ему вывалила?

А просто накатило. Он ведь действительно долгие годы был для неё тайным идолом. Девчонки из класса собирали карточки кинозвёзд и певцов, и их кумиры менялись из года в год, согласно моде, а она, как дурочка, с середины шестого и по конец девятого класса бредила милиционером Ивановым.

Хотя на самом деле дольше, просто после девятого, когда он, получив звание капитана и её почётную грамоту, идею которой ей тогда ещё и пришлось отстаивать перед педсоветом и комсомольской организацией, перестал вдруг приходить в их школу. Вместо него теперь присылали какого-то другого, скучного и невнятного...

И вот это было уже за пределами – не видеть его, не надеяться, но помнить и продолжать испытывать мучительную тягу. И мечты. Наивные грёзы «ах, если бы...»

Что это было – возраст, гормоны? Подростковый максимализм? Какая разница, если закончилось всё тем письмом, оставленным для капитана Иванова в дежурке. В нём не было признаний в любви или каких-то ещё вольностей, но всё-таки оно было слишком личное, написанное на эмоциях и наполненное девчачьими глупостями...

В общем, к вечеру того же дня она пожалела, что написала его, но так и не рискнула снова пойти в Отделение, чтобы узнать – а может, ещё не передали? Потому что... а вдруг уже?

И именно тогда ей впервые стало стыдно за свои чувства, и появился мучительный, полный противоречий страх случайно столкнуться со своим кумиром на улице.

Сразу же изменился маршрут в школу, в магазин, в библиотеку, во Дворец пионеров, да и вообще по району – теперь он неизменно огибал Отделение по большой дуге...

Не изменилась только вырезанная из местной газеты фотография милиционера Иванова, вклеенная в секретный девчачий дневничок и глупые стишки, разукрашенные сердечками.

И вот надо же, прошло десять лет, и опять то же самое – не сдержалась, и снова, и стыдно, и страшно... Но теперь ещё и очень больно, словно её обманули в лучших чувствах!

Когда ей ещё только рассказывали про отца самодура, который не даёт детям видиться с матерью, она была возмущена до самой глубины души! И даже не за вознаграждение, а просто искренне, со всей своей самоотверженностью жаждала поспособствовать справедливости!

А потом, когда узнала о ком речь – не поверила. Просто не поверила! Он, её капитан Иванов из юности, не мог так поступать!

А оказалось, правда. Сухой самовлюблённый самодур. И детей действительно отчаянно жалко, потому что они, в отличие от отца – замечательные!

Глава 5

Ночь была маятная, полная мыслей о том, как поступить. Накаляло то, что слова десятилетнего ребёнка к делу не пришьёшь, а других свидетелей просто нет. Да и работала нянька по устной договорённости, вот и получается, что всё, что он может – лично высказать ей своё возмущение. При этом ещё и придётся держать себя в руках и действовать строго в рамках закона. Вот такая оборотная сторона медали «честного мента», как презрительно называла его бывшая жена.

– А давай, может, клепанём на всю их контору анонимку, – понизив голос, предложил Харламов. – Натравим проверки по всем инстанциям, там же нарушений валом, взять хотя бы незаконную коммерцию!

– Ты не понимаешь, Олеж, так мы ударим не по Тимофеевне, а по самому диспансеру в первую очередь. Ну проверка, ну снимут заведующую, и что? Во-первых, не думаю, что она в курсе, а во-вторых, таких как Тёмка знаешь, сколько в городе? До хрена. И далеко не у всех родителей есть возможность быть с ними круглосуточно, а официально ты няньку не найдёшь. Только вот этой незаконной коммерцией и спасаемся.

– Гу-у-улять пойдём! – неожиданно отвлекся от долгого созерцания трофейного, отрезанного вчера от нянькиной сумки ремешка Тёмка. – Гу-у-улять!

– Пойдём, пойдём! – успокоил его Андрей. – Марин, может, выйдете на улицу? Только никуда не уходите. Я скоро.

Она совсем по-взрослому вздохнула и, оторвавшись от рисования, глянула на брата:

– Ну чего ты разгалделся? Гулять тебе? А то, что у других свои дела могут быть, это тебе всё равно?

– Гу-у-улять пойдём, гу-у-улять!

– Ладно уж. Погуляю с тобой разочек! – взяла его за руку, но возле двери остановилась: – Ну? А кто за тебя до свидания дяде Олегу говорить будет?

Тёмка, естественно, не отреагировал, но в этот момент дверь кабинета распахнулась и на пороге, едва не столкнувшись с детьми, появился Маруновский. Застыл, с ошарашенным испугом глядя на Тёмку.

– Здравсти, товарищ майор. Может, вы всё-таки дадите нам пройти? – спустя почти полминуты деловым тоном вывела его из ступора Маринка.

Харламов сдавленно захрюкал, а Маруновский шуганулся в сторону и наступил на стоящую у стены швабру. Она треснула его по плечу, и с висящей на её древке тряпки взвилось белое облако засохшей побелки. Маруновский выругался, снова сделал неловкое движение, задев ногой пустое ведро и тут же, дёрнувшись, пихнул стол Андрея, с которого с грохотом полетели шаткие башни папок и бумаг.

– Чёрте что развели тут! Детский сад, а не Отделение! – взревел Маруновский. – Иванов, почему личные дела в рабочее время решаешь?

Андрей молчал, крепясь, чтобы не съездить гаду по морде. Всё-таки и времени прошло прилично, и давно уже всё для себя решил, а стоило только коснуться этой темы – и всё как с нуля.

– Андрюха, спокойно... – с одного взгляда понял его состояние Харламов. – Ты при исполнении. Дыши. Лучше после работы его, шкуру позорную, залови, – и так глянул на Маруновского, что тот попятился.

– К Разумову тебя, Иванов! Срочно! – выкрикнул и поспешил сбежать, так и забыв обтряхнуть перепачканную побелкой форму.

Харламов вернул упавшую швабру с тряпкой на место, забубнил, заполняя повисшую неловкую паузу:

– Говорили две недели, но уже скоро месяц, а у них конь не валялся... Грязищу по всему отделению растянули и успокоились... – Поднял рухнувшие со стола папки. – Кстати, ты слышал, поговаривают, что ремонт могут заморозить. Денег, вроде, не хватило. Чем они там считали? – И вдруг присел на край стола, задумчиво усмехнувшись, мотнул головой: – Н-да-а-а... Нет, ты видал? Ну это? – поводит рукой перед лицом и кивнул на дверь, вслед сбежавшему Маруновскому. – И чем дальше, тем сильнее. А лет, эдак, через пяток и вовсе...

– Олеж, заткнись, ладно? – прорычал Андрей.

– Ладно, ладно, – вскинул он ладони к груди. – Ты же знаешь, я могила. Но, блин, так хочется морду ему набить... Не представляю, как ты держишься.

– А мне не положено, – строго поджав губы, одёрнул Андрей китель. – У меня один выговор с занесением по этому поводу уже есть, хватит. Слушай, у меня к тебе просьба на миллион. Помнишь ко мне на днях девчонка приходила в няньки свататься? Краснова. Пробей мне её, пожалуйста, по своему доступу.

– Опа! – хитро сощурился Харламов. – А тебе по партийной линии или по личному, так сказать?

– Кончай острить! Мне нянька срочно нужна, а эта... – задумчиво помолчал, – нутром чувую, что что-то с ней не то.

– В смысле?

– Не знаю пока.

– Ну здрасти. А я тогда куда рыть-то должен?

– Пока просто, в общем.

– А тебе не кажется, что у тебя опять паранойя обостряется? Может, тебе вместо оперативной справки просто в кино её пригласить? Ну там, последний сеанс, последний ряд, потом Хванчкара на скамеечке в парке, ну и до дома проводить, конечно... А я ради такого дела даже с охламонами твоими на ночь останусь.

– Нет уж, спасибо. Хватит с меня молодых да ранних. Тем более таких.

– Каких – таких?

– Олег, на хлопок⁶! – заглянув в кабинет, перебил их запыхавшийся Генка Шевцов. – Крайнов санкции выбил!

– Ну наконец-то! – Харламов пружинисто подхватился с места. Пара секунд – и он уже готов к бою. – Ладно, Андрюх, я понял. Чем смогу помогу, а ты давай это, бабу себе ищи на постоянку! Самая лучшая нянька – это жена, уж проверь!

Когда он умчался, Андрей пошёл к Львовичу. Тот покряхтел, пересказывая кляузу Маруновского о том, что Иванов притащил в отделение детей, но особо не злобствовал, лишь потребовал прекратить балаган и либо решить уже свои личные проблемы, либо искать новую работу. Но тут же, словно и не намекал только что на отставку, оживился:

– Я тебе на днях про ответственное задание говорил, помнишь? Вот. На юбилейный слёт ветеранов милиции в этот раз приедет полковник милиции в отставке Попковский.

– Не знаю такого.

– А ты и не должен. Он с Севера. Ветеран Отечественной Войны, герой, вся грудь в орденах. Но главное, что он родственник, – Львович загадочно ткнул пальцем в потолок, – понимаешь, да? Очень важный гость, надо принять по полной программе. Прилетает через две недели, встретишь его в аэропорту, организуешь заселение в гостиницу и досуг до вечера. И смотри, Иванов, не подведи честь Отделения!

– Будет сделано! И... Разрешите личную просьбу, товарищ полковник?

– Опять? Ты у меня со своим личным вот где! – черкнул ребром ладони по горлу.

⁶ «На хлопок» (оперативный сленг) – на языке оперативников означает «на задержание»

– Решаю вопрос, товарищ полковник! Но сегодня край, как нужно отлучиться. Петров на месте, в курсе всех дел, готов к работе!

– Эээх! – потряс кулаком Львович. – Чтобы последний раз, ясно?!

Схватив детей и как был в форме, Андрей рванул напрямик в диспансер. Нину Тимофеевну нашёл как под заказ – в кабинете у заведующей.

– Марин, пригляди-ка за Тёмкой, – оставил он их на скамеечке в коридоре, и вошёл в кабинет.

Но что он мог доказать? Приняв при его появлении обиженную позу, нянька, однако, быстро осеклась под хлесткими, как на дознании вопросами и тут же скандально перешла на личности. В итоге, спровадив её из кабинета, заведующая ужом вилась, убеждая Андрея, что это всё просто недоразумение. И с каким-то маниакальным упорством сватала ему Краснову, расписывая её молодость, увлечённость детьми и профильное образование дефектолога.

– Я вам клянусь, что лучшей кандидатуры вы не найдёте! Или думаете, она без вас не найдёт работу? Пха! Да её-то с руками оторвут, помяните моё слово, а вот вам без неё вообще никак! И я вам предлагаю её исключительно по нашему давнему знакомству...

Словом – заслушаешься! Даже как-то ненормально вот так сходу отказываться от такого сокровища.

– Вы всё-таки поищите ещё варианты, – хмурился, чувствуя неладное Андрей. – А насчёт Красновой, думаю, не получится. Она сама от нас вчера отказалась.

– Она... Что?! – застыла с отвисшей челюстью заведующая. – Да быть такого не может! Вы что-то путаете!

– Ну почему же. Я-то как раз всё прекрасно понял. Так и сказала – вы мне не подходите. Так что вы поищите, а насчёт Нины Тимофеевны – что вы можете сделать для того, чтобы она больше не работала с детьми?

– Я... А я... Ну а что я... – замямлила заведующая и вдруг кинулась к телефону: – А давайте я прямо сейчас позвоню Красновой?

Тема была переведена топорно, и Андрей не повёлся.

– Не надо звонков. Просто я хочу быть уверенным, что...

Но она уже звонила. Нервничала. Грызла губу и, каждый раз набирая номер заново, заискивающе улыбалась:

– Сейчас, сейчас! Просто не слышит, наверное.

Наконец положила трубку.

– Увы, она, кажется, вышла. Из дома. Она же у нас не числится в штате, на вольных, так сказать, хлебах. С тех пор как с научным трудом у неё что-то пошло не так, она ещё не определилась толком куда теперь – тои в Краснодар, то ли... А может, вам чаю, Андрей Иванович? А я пока ещё попробую дозвониться?

От чая Андрей отказался. Да и до Красновой мог дозвониться и сам – её позабытые в его кабинете бумаги лежали теперь у него дома. Но звонить не пришлось – уже через пару минут они столкнулись в фойе первого этажа. И... И Краснова снова была нормальная. В смысле – приятная розовенькая кофточка, юбка до колен, опрятно лежащие на плечах волосы и лицо – такое светлое и чистое. Только вот озабоченное. И взгляд в пол.

– Оксана! – окликнул её Андрей, и только спустя долгие пару мгновений понял, что не договорил. Спохватился: – ...Васильевна. – Глупо, как-то по-пацанячьи смутился, но тут же взял себя в руки. – Здравствуйте!

После вчерашнего не ожидал, если честно, перемирия, но Краснова, хотя и заметно нервничала во время разговора, однако упрямиться не стала.

– Да, я могу! – окинула взглядом его форму, и её щёки тут же смущённо порозовели. – Даже прямо сейчас, если вам надо на службу.

– Да, – обречённо признал Андрей, – очень надо. – Звякнул ключами на колечке: – Вы сами доберётесь?

Она уверила, что без проблем. Однако первые две остановки на автобусе они всё равно ехали вместе – Андрей на участок, а Оксана с детьми домой. Местá им достались спереди: два двойных, лицом друг к другу. Случайно сталкиваясь взглядами, Андрей с Красновой скованно дёргали углами губ, обозначая дежурную улыбку, и, тут же отведя глаза, делали вид, что заняты своими мыслями. Но уже через пару мгновений снова встречались взглядами. И снова разбегались.

А вот Марина жалась к отцу и смотрела на Краснову не отрываясь. Исподлобья. И это его настораживало. До зуда на кончике языка хотелось прочесть ей нотацию о хорошем поведении. Ну или хотя бы просто попросить обойтись без баловства ближайшую неделю-полторы...

По дороге на опорный пункт всё не мог избавиться от непонятного ощущения лёгкости. Гонял его и так, и эдак, и наконец, пришёл к выводу, что это от того, что Краснова, хотя и отчитала его вчера, как мальчика, и даже убежала в слезах, но не обиделась.

Тут же напрягся. Нашёл, тоже, повод для лёгкости!

Во-первых, все её нотации и обвинения в его адрес были полным бредом, и если и обижаться – то ему на неё, а не наоборот. А во-вторых, снова всё нелогично. То, что сегодня, не ожидая встречи с ним, она снова выглядела по-человечески, прямо указывало на то, что вчера именно специально для него вырядилась так подчёркнуто вызывающе. Юбка эта короткая, маечка под которой... Кхм... Маечка, короче. Тоненькая, которая почти ничего не... Чёрт!

Почувствовал, вдруг, как припекает солнце. Приподнял фуражку, промокнул испарину на лбу.

Ну и что это? Попытка совращения? А цель? Да и потом – какой смысл было тогда так глупо завалиться на конфликте на почве детей, вместо того чтобы дожимать объект по прямому умыслу? Похоже на непредвиденный конфликт интересов.

Так что же ей всё-таки надо-то?

Пожалуй, это главный вопрос.

Но, положи руку на сердце, уж лучше бы она снова вырядилась, вот честно! Несмотря на естественную кобелиную реакцию тела, недельку-другую он бы перетерпел. Главное, что сама Краснова в таком виде не вызывала у него ничего, кроме раздражения. В отличие от сегодня, например, когда так и тянуло её рассматривать – каштановые волосы на плечах, румянец, опущенные длинные ресницы... А уж про то зелёное платье, слегка приоткрывающее коленки, лучше вообще не вспоминать. Тем более теперь, когда выяснилось, кто такая эта Краснова в прошлом. Девочка из подшефной школы. Но, как ни странно, именно их давнее условное знакомство и подогревало сейчас нездоровый интерес.

Ну вот и что это за наваждение – снова любимые грабли?

Он ведь однажды уже повёлся на такую, вот, молодую да раннюю. Познакомились с ней случайно через сестру подруги одного знакомого. И началось! Ирка проходу не давала, липла, как кошачья шерсть на шинель. Гордилась им, перед подружками хвалилась: вот какого ухажёра себе урвала – Милиционер! Уголовный розыск! А ему, дураку, лестно было, чего уж там. Ну и совратился на неё, восемнадцатилетку аппетитную.

Любовь ли это была, или нет, но она была ненормальная какая-то, как зависимость. И всё, что Андрей помнил о ней теперь, двенадцать лет спустя – свою патологическую тягу доказать, что он мужик «не хуже остальных» Как-то маловато для воспоминаний о любви, да?

Да и закончилось всё банально – залётом. Ну и штампом в паспорте. Всё по-честному, хотя и вопреки воле её родителей, непростых товарищей из верхов районной администрации. Они настаивали на аборте и дочуркино замужество восприняли как личное оскорбление, а

поэтому, в воспитательных целях дали ей пинка под зад во взрослую жизнь. Из уютного родительского гнёздышка – да в съёмную комнатёнку «два на четыре» к новоиспечённому мужу.

Первые полгода ещё ничего, а потом началось: необустроенный быт, орущий ребёнок. Иркины упрёки, истерики, депрессии. Андреевы дежурства сутками напролёт, как спасение из дурдома и движение к самой важной для него на тот момент цели – получению служебной трёшки, чтобы было, куда семью перевезти.

...И обманутые совсем ещё по-детски глупые ожидания жены по поводу того, что эта квартира оказалась не новостройкой где-нибудь в центре, а простой «хрущёвкой», требующей ремонта, в их же родном районе...

Не тянул он её, золотую девочку, чего уж там, но признаваться в этом – как серпом промеж ног!

...Потом претензии в загубленной молодости и жалобы на скуку. Торжествующие улыбочки «родственников», кидающих содержание на карманные расходы лично непутёвой дочери.

...К подружкам с ночёвками, в профилактории по одиночным путёвкам, пока Андрей с дочерью на отгулах в деревне у мамы...

Ссоры, примирения. Разбежались–съехались. И снова по кругу. Год за два, а то и за пять.

Второй ребёнок – по его настоянию, как отчаянная последняя попытка связать разваливающуюся семью... И диагноз «аутизм» на третьем году жизни сына – как приговор. Ну и Иркино бегство. Не развод, а именно бегство – циничное предательство собственных детей.

Доигрался, одним словом, с молодухой. На всю жизнь хватит! Но Ирка хотя бы на девять лет младше была – ещё куда ни шло... А Краснова – на четырнадцать! Четырнадцать!

Сумасшедшая молодёжь, что у них на уме?

– Андрей Иванович!.. – донеслось вдруг откуда-то из пучины раздумий.

Андрей оглянулся. Его догонял взмыленный помощник Петров.

– Фу-у-ух... Я вам от самого Галантерейного кричу... – упершись руками в колени, задохнулся он. – У нас там это, короче... Разбойное на почтальонку, которая пособия разносила. Сама не пострадала, а вот сумку забрали. Там, правда, денег уже почти не было, но бумажки, отчётность, квитанции и что там у них ещё... Фу-у-ух... Нападавших двое. Чисто навскидку, по описанию – вполне могут оказаться освободившимися из мест лишения. Я уже прошёл по трём надзорным адресам, там всё спокойно, не придерёшься.

И Андрей тут же переключился. Бывшая жена и Краснова с этим её зелёным платьем моментально поблекли и исчезли, как что-то совершенно незначительное.

– Молодец, Василий! Теперь давай ещё раз и обстоятельно – что, где, когда?

В общаге было сумрачно и затхло. Впрочем, как всегда. По коридорам гулял запах плесени, пригоревшей еды и нечистот. Откуда-то из дальних комнат доносился радостный голос Валерия Леонтьева: «Все бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, а он им светит! Все бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут – а он горит!» Но пластинка, видно, была поцарапанная, потому что музыка то и дело прыгала, на что смачным забористым матом возмущалась какая-то женщина. Андрей прислушался. Ну точно. Это из двенадцатой. Значит, Семёнова.

Впрочем, до Семёновой ему дела не было. Постучал в шестую комнату к Петруниным. Тишина. Принюхался к щели у косяка – ничего особенного. Прошёл на кухню, пролез по шкафам, по сваленной в углу старой утвари – кастрюлям-сковородам. Ничего. Хотя, он и не думал, конечно, что самогонный аппарат будет стоять вот так, открыто. Если где и лежит – так это либо в комнате, либо вон в том, закрытом на всякий замок ящике.

В кухню сунулся и, увидев милиционера, тут же испуганно сбежал пацанёнок из десятой. Андрей вернулся в коридор, снова постучал в шестую. Обернулся на звук лёгких шагов за

спиной – к нему, привыкая после солнца к полумраку, шла девчушка из седьмой и, с каждым шагом всё больше различая форму Андрея, настороженно замедлялась.

– А, Люда, здравствуй! – предупреждая её бегство, первым шагнул он к ней навстречу. Впрочем, девчонка эта была на удивление адекватная. Во всяком случае, пока. Пока её не перетёрла и не подмяла под себя вся эта неблагоприятность окружения. – Как дела? Как мама?

Девочка настороженно зыркнула на дверь своей комнаты.

– Нормально.

– Не пьёт?

– Нет...

Да уж куда там, нет! Вот только на прошлой неделе сигнал из вытрезвителя был.

– А ты как? Как учебный год закончила? Без троек?

– На отлично.

– Ого! Да ты умница! Какой класс?

– Восьмой.

– Ну молодец! А скажи, соседи ваши из шестой комнаты, они как?

Люда дёрнула плечами:

– Нормально.

Но по её лицу, не ускользнув от внимания Андрея, мелькнула тревожная тень.

– Сосед как себя ведёт? Часто его видишь?

Она мотнула головой «Нет», но ответила невпопад:

– Да.

– И как? Я имею в виду, водит ли компании, не буянит ли?

Она молчала. Ох уж эти понятия о «нестукачестве»! Андрей задумчиво почесал подбородок.

– Ну хорошо, а тебя не обижает?

Спросил специально. Провоцировал. И увидел, что девчонка действительно скорее боится самого соседа, чем выгораживает их семейку. Боится, но никогда не признается, чего именно, а без признаний и заявлений и дела не делаются, вот такая штука. Вдохнул.

– Ладно, а когда ты последний раз его видела?

– Что там, уже допросы? – раздалось от входа.

Андрей обернулся – к ним, решительно продавливая скрипучий дощатый пол коридора, спешила хозяйка шестой комнаты. Ехидно скалилась:

– Это ты чего ж, товарищ милиционер, исподтишка тут разнюхиваешь? Настучала что ли какая-то падла? А ты чего? – неожиданно агрессивно набросилась на Люду. – Ну-ка, брысь! Стукачка бессовестная! Что ты там рассказать-то можешь, если вся общага знает, какая ты! Шлюха малолетняя!

Люда зыркнула на неё зло и сбежала в свою комнату.

– Очень удачно, что вы подошли, Зинаида Максимовна, – расстегнул Андрей папку. – У меня к вам несколько вопросов относительно вашего сына. Здесь будем говорить, или пройдем в комнату?

В комнату-то прошли, но разговор, как обычно с Петруниной, всё равно вышел почти бестолковым. Она умела заговаривать зубы и ходить вокруг да около, чего уж там. Да и имела полное право не свидетельствовать против родственника. Однако Андрей сумел-таки выяснить, что сыночек её, гостящий на воле максимум месяца по два-три от ходки до ходки, всё утро провёл дома, спал.

– А чего тебе эта насвистела-то? – Зинаида кивнула в сторону стены, смежной с комнатой Люды. – Она, знаешь, сбросит, не дорого возьмёт! Мать её назанимала у меня денег на полжизни вперёд, так они теперь на что хочешь пойдут, лишь бы нас с Сёмой упечь.

– Чтобы упечь, нужны основания, Зинаида Максимовна. А вы утверждаете, что у вас всё в порядке. Так когда, говорите, я смогу застать Семёна дома?

– Откуда же я знаю? У него свои дела, у меня свои.

– Значит, будем вызывать в участок, в связи с нарушением режима отчёта по месту пребывания... – попытался надавить Андрей, но бесполезно.

– Да вызывайте, сколько влезет, только я ничего подписывать не буду! Сами его встречайте, и бумажки ваши отдавайте! Хоть вот поселитесь у меня под дверью – это уже ваше дело!

Выходя из общежития, Андрей уже точно был уверен, что Петрунина-мать темнит. Но тут надо было разбираться без суеты, чтобы не спугнуть, так как по описаниям почтальонки гражданин Петрунин-сын вполне подходил на роль одного из фигурантов утреннего нападения.

– Можно вас на минутку? – несмело окликнули его из-за куста сирени у соседней общаги.

Это была Люда из седьмой комнаты. Она опасливо покосилась на свой дом и отошла поглубже в тень.

– Тётка Зинка всё врёт, не ночевал он дома. Он вообще уже два дня здесь не появляется! А в последний раз к нему люди какие-то приходили и долг требовали. Мне кажется, они там даже дрались. Ну звуки такие были, знаете...

Андрей ободряюще кивнул.

– Отлично. Что ещё?

– Ну... Он, наверное, через туалет сбежал, потому что они потом туда ломились, и окно было разбито. И подоконник в крови.

– А тех, которые к нему приходили описать сможешь?

Мотнула головой:

– Я их не видела, только слышала. У нас через стену очень хорошо слышно. – Погрызла губу. – Вы только не говорите никому, что это я вам рассказала, ладно?

– Ну знаешь, если, как ты говоришь, была драка и бегство через окно, то это мне любой из твоих соседей расскажет, стоит мне только вернуться сейчас и расспросить построже. Но мы с тобой сделаем иначе – мы вообще никому не скажем, что я об этом знаю, хорошо? Пусть думают, что я лох.

Люда от неожиданности улыбнулась. Хорошая девчонка. Как жемчужинка в навозной куче. Ей бы вырваться отсюда поскорее.

– На лето к бабушке поедешь? – спросил Андрей.

Она кивнула.

– Ну вот и отлично! Отдыхай там, как следует. А после девятого куда думаешь, дальше в школе или в техникум?

– Дальше. Я хочу после одиннадцатого в Москву уехать.⁷

– Ох, загнула – в Москву! На актрису небось?

– Нет, – слегка удивлённо глянула она на него. – Зачем на актрису, я же не дурочка какая-нибудь! На экономиста!

– Ого! Ну это гораздо лучше, тут я согласен! У меня ещё вопрос, по поводу соседа твоего, Семёна Петрунина. Можно? Как у него с местными? Ну, я имею в виду, и с другими соседями, и с тобой? Не обижает? Не хамит? – спрашивал, а сам внимательно отслеживал реакцию. – ...Не пристаёт?

Она стремительно покраснела, и Андрей понял, что только что дал промашку. Её реакцию можно было трактовать двояко – и как попадание в точку, и как смущение, от того, что

⁷ Люда Кобыркова – главная героиня цикла остросюжетных любовных романов Стаси Андриевской «Откровения о...» На момент развития событий в цикле героине уже исполнилось 18 лет.

чужой дядька такие вопросы задаёт. А ещё, она тут же закрылась и пытаться дальше стало бесполезно.

– Ладно, Людмил, спасибо за помощь. И аккуратнее тут, по ночам не гуляй, с незнакомыми людьми не заговаривай. А лучше и правда – к бабушке скорее езжай!

Она кивнула и поспешила куда-то в другую сторону от дома – то ли круг даст, чтобы следы замести, то ли и правда, дела какие-то. И как их понять, этих девочек-подростков? Если бы он знал!

Проследил, как она скрылась за углом – простая, неприметная девчонка, каких тысячи в городе. Как и те, которые пропали, и от поиска которых сбилась с ног бригада Харламова.

Да, Андрей с удовольствием рассказал бы Люде про исчезновение девушек – уже двух за без малого месяц, и про то, что их похитителя не могут взять даже на живца, но это была оперативная информация, и он просто не имел права доносить её до общественности, без директивы сверху. Опять обратная сторона медали.

Глава 6

– Тук-тук! Можно к тебе? – заглянула Оксана в Маринину комнату, когда Тёмушка заснул дневным сном. – Чем занимаешься?

Марина прикрыла альбом ладошкой.

– Ничем.

– Мм... А мне показалось, рисуешь. Ладно, если ты не занята, то, может, поможешь мне? Никак не разберусь, где какая посуда у вас на кухне лежит.

Конечно, она давно уже всё прекрасно выяснила, но... хозяйка-то в доме Марина. И хотя она сама этого, скорее всего не осознаёт, а всё равно, было бы очень неосмотрительно перебегать ей дорогу.

Расчёт сработал верно, и постепенно, слово за слово, и из настороженной девочки со сцепленными на груди руками, Марина превращалась в девочку, которая и сама уже не помнит, почему с самой встречи в диспансере упорно держалась настороженной букой.

Блины месить было весело, а цветных блинов она вообще никогда прежде не видела и словно волшебный эликсир всё мешала и мешала подкрашенное свекольным соком тесто и так и норовила залезть в него пальцем.

А когда начали выпекать – и вовсе обалдела. Совсем по-взрослому уперла руки в бока:

– Не так! Блины должны быть круглыми!

– Разве?

– Да! Так правильно!

– А у нас будут неправильные блины! – рисуя тестом кляксы свободной формы, улыбнулась Оксана. – Пробовала такие когда-нибудь?

Нет, она не пробовала. Но, недоверчиво откусив первый, с удовольствием уговорила следующие штук пять. А ещё немного спустя даже перетащила на кухню свой альбом с карандашами.

– Это кто? – как бы между делом спросила Оксана. – Мишка?

– Кошечка!

– Ух ты! А почему она одна? Ей не грустно?

Марина мотнула головой, но, немного подумав, добавила:

– Потерпит. Просто у неё папа на работу ушёл. – И перевернула лист.

Тема закрыта. Понятнее не бывает.

Но чуть позже, уже после того, как проснулся Тёмушка, и они все вместе сходили в продуктовый и погуляли во дворе, Оксана осторожно зашла с другой стороны:

– Марин, а может, ещё порисуем?

Та вроде нехотя, но согласилась. Похоже, просто постеснялась отказать, но потом вовлеклась. Играли в угадайку, смешивая в одно целое разных зверушек и придумывая им смешные названия. Хохотали, шаг за шагом сближаясь, и когда Оксана попросила нарисовать чудо-зверушкину семью, Марина с энтузиазмом нарисовала.

– Это кто? – указала Оксана на самого большого абру-кадабру.

– Это папа медведе-зайце-пёс!

Ну кто бы сомневался! По центру листа, упираясь пятками в нижний край, а макушкой в верхний и широко раскинув руки-лапы, мог стоять только всё на свете контролирующий и занимающий всё я-пространство ребёнка ПАПА. Поразительное попадание в образ! Только что погонов не хватает.

По разные стороны от папы, где-то в тени могучих руко-лап, стояли его детки – доченька и сыночек. Над доченькой Марина билась особенно долго, всё стирая и рисуя заново то мордочку, то лапы или ушки.

– Ты, наверное, хочешь, чтобы она была самая-самая красивая, да? – подавая карандаши, наводила Оксана на разговор.

– Нет, – деловито и так узнаваемо по-отцовски нахмурилась Марина. – Просто тут всё неправильно получилось.

– Разве? А мне кажется, всё очень даже хорошо! Ну где тут неправильно?

Марина озадаченно прикусила карандаш. Пожала плечами.

– Не знаю. Но она не похожа на папу, видишь?

– А! То есть, папа самый правильный, да? И все должны быть похожи на него?

– Да.

– Ну хорошо, а почему ты тогда сыночка не переделываешь? Он сразу правильный получился?

– Нет, но ему и так сойдёт, – отмахнулась Марина. – Я же не могу разорваться и сразу всех вырисовывать! Просто он у них особенный. Он вообще просто зайце-пёс. Без медведя, видишь?

Увлечшись, Марина даже не заметила, что перешла на «ты», но Оксану это более чем устраивало. И в этот момент Марина перевернула лист.

– Погоди, ты что, закончила уже? А как же мама? – будто между делом спросила Оксана, собирая со стола затупившиеся карандаши. – Потом её дорисуешь?

Марина замерла и, немного подумав, осторожно перевернула лист обратно. Посмотрела на рисунок растеряно, словно и сама вот только сейчас вспомнила, что не дорисовала.

– Забыла? – осторожно подсказала Оксана. – На, – подала свежезаточенный карандаш, – дорисуй, а то как-то грустно без мамы, тебе не кажется?

– Нет, – нахмурилась Марина, – не надо её. Она тут не поместится!

– Почему? Папа слишком большой?

– Нет, папа нормальный. Какой должен быть, такой и папа! – окончательно раздражаясь, буркнула Марина. – Просто... Просто она весь рисунок испортит, вот и всё!

*** **

– У медведей не бывает таких ушей, – первое, что сорвалось с языка, когда Андрей очнулся после долгого разглядывания рисунка невидящим взглядом. – Это какой-то неправильный медведь, дочь. Ему надо уши переделать и хвост – почему он на боку?

Краем глаза увидел, как шлёпнула себя рукой по лицу Краснова. Ну что ещё не так? Все мысли сейчас были на работе. Сегодня какой-то особенный завал, сразу со всех сторон, словно сговорились. А тут эти непонятные ребусы с рисунками... Но увидев, как мгновенно надулась Маринка, попытался сдать назад:

– Или это у тебя специально так? А, ну тогда нормально. Пряма даже хорошо. А это кто? – ткнул пальцем в одно из маленьких чудовищ и тут же снова уплыл мыслями в работу: «С какой бы стати этому табору, и так живущему на птичьих правах, начинать бучу против местных? Что-то тут не то. Но то, не то, а прецеденты есть, хотя и не установленные по участникам. И клеюзы есть, хотя и анонимные...»

– Ну па-а-а! – донеслось откуда-то из тумана. – Чего ты тогда спрашиваешь, если не слушаешь? Я говорю, это дочка его!

Выплыл из мыслей и не сразу вспомнил ни свой вопрос, ни то, что только что услышал.

– Ээ... Дочка? А, ну может. Просто не очень похожа. У него уши вон, какие длинные, а у неё короткие совсем.

– Не выросли ещё! – глядя на него в упор, с невесёлым нажимом улыбнулась Краснова. – Да и потом, это всё-таки девочка, ей не обязательно быть лопоухой! Правда, Марин?

– Я же говорила, неправильно у меня! – выхватив альбом, буркнула та и сбежала.

– Такое впечатление, что вы специально, – покачала Краснова головой. – Ну неужели так сложно было просто похвалить? Кому нужна ваша критика?

– Я похвалил, – искренне не понял претензий Андрей.

– Правда? А я и не заметила! А вы обратили внимание, что, нарисовав семью, Марина не нарисовала маму? Я предложила дорисовать, но она сказала, что маме нет места на этом рисунке. Вам это ни о чём не говорит?

Андрей к этому времени уже снова был в своих мыслях, но тут вдруг его словно по носу щёлкнули.

– Оксана... – с трудом сдерживаясь, поджал он губы, – Васильевна... Вы опять?

– Нет, не опять. Я же не встревала в ваше... воспитание, пока Марина была здесь. Но теперь-то можно говорить по-взрослому? Мы сегодня просто рисовали. Это безобидный тест на самооощущение, который дети не воспринимают напрямую, тем более что рисовали мы неведомых зверушек. Но результат показательный, правда ведь?

– Я запрещаю вам лезть в голову к моей дочери!

– А я и не лезу! Мы просто рисовали. И знаете, то, что вам, возможно, болезненно вспоминать об отношениях с женой, не делает тему матери запретной для детей. Вам бы, наверное, не понравилось, если бы было наоборот, и вашим, оставшимся с матерью детям, тема отца преподносилась бы как табу? До такой степени, что даже на простом рисунке вам не досталось бы места!

– Значит так, Оксана Васильевна... Я ещё раз запрещаю вам поднимать эту тему с Мариной! Она, к счастью, давно уже привыкла, что мамы у неё нет, и относится к этому спокойно!

– Ну да, а ещё она у вас сама в угол встаёт, и не может нормально плакать, когда хочется. Вы хоть понимаете, о чём я? Ей десять лет, а она уже держит всё в себе! Настоящие мальчишки не плачут, да? – Усмехнулась. – Вот только Марина – девочка, и закончиться всё может очень даже плачевно! Простите за каламбур.

– Оксана Васильевна, сколько у вас детей?

Краснова поняла. Вспыхнула и отвела взгляд. Андрей кивнул.

– Вот видите, а у меня двое. И когда у вас появится хотя бы один, приходите, обсудим, как их воспитывать. А пока, пожалуйста, – просто обеспечьте уходовой присмотр за Артёмом. Это ненадолго, не беспокойтесь.

Вышел в коридор, вернувшись, протянул ей деньги.

– Что это? – растерялась Краснова.

– Вы же ходили сегодня в магазин.

– Да бросьте, я просто взяла детям молока для какао.

– Сегодня молоко, завтра хлеб, послезавтра ещё что-то, и к концу срока работа выйдет вам в убыток. Берите! И на будущее – вы можете покупать те продукты, которые считаете нужным, для того чтобы готовить детям обеды и ужины, все траты я буду возмещать. Чеки можете не собирать.

Простой бытовой вопрос, который со всеми няньками всегда решался одинаково, но почему-то именно сейчас он повис неловким молчанием, в котором Краснова как-то сконфуженно взяла протянутые ей деньги. Пока она обувалась, Андрей смотрел на её склонённую голову и рассыпавшиеся по плечам волосы и чувствовал себя... странно. Опять.

– Оксана, а вы как до дома добираетесь? – Когда вспомнил про отчество, было уже поздно. Второй раз за день! Раздражённо мотнул головой.

– Автобусом.

Андрей оглянулся на кухонное окно – смеркалось, но было ещё довольно светло. Остановка в четырёх кварталах, местность людная, к тому же в это время во дворах всегда ещё полно гуляющей детворы и бабулек у подъездов. Но всё равно что-то непонятное бредило душу.

– Может вас... – и растерянно замолчал, поняв, что именно едва не ляпнул.

– Что? – обернулась от двери Краснова.

– Эмм... Да нет, ничего. До завтра, Оксана Васильевна. И пожалуйста, без опозданий, у меня в восемь уже планёрка, а к ней ещё нужно подготовиться.

Очнулся у кухонного окна, когда Краснова уже почти скрылась за углом дома напротив, и понял, что всё это время, с момента, как она только вышла из подъезда, не отрываясь следил за ней взглядом. Закурил. Озадаченно поскрёб подбородок.

За все эти годы ни разу ни за одной из нянек не подглядывал у окошка, даже в голову такое не могло прийти. И уж тем более, не доводил до автобуса! Так с какого же рожна он пару минут назад чуть не вызвался в провожатые?

*** **

На душе у Оксаны было непонятно. С одной стороны злило, что Андрей никак не хочет её понять. Ну как он не видит, что Марина слишком напряжена и замкнута? Зачем гнёт ещё больше, сломать хочет?!

А с другой – ну а с чего она вообще взяла, что он её поймёт или хотя бы захочет услышать? Разве ей с самого начала не описали ситуацию такой, какая она и оказалась на самом деле: дети – жертвы, отец – диктатор? И зачем ей вообще пытаться его в чём-то убедить? Она ведь здесь не для того.

Развернула выданный из альбома лист, который Марина сунула ей перед самым уходом: большой папа и затерявшиеся в его тени маленькие детки. По правилам трактовки – речь идёт об излишнем доминировании, но чисто по-человечески... Рисунок был добрый. И рисовала его Марина с любовью, с деталями и старанием. И если честно, папа смотрелся на нём не как подавляющий доминант, а скорее, как квочка, раскинувшая над цыплятами крылья. И что-то, вопреки очевидному, тому, что Оксана лично наблюдала в их семье, нащёптывало, что так оно и есть на самом деле – он и есть квочка, как бы странно это ни звучало. И если уж совсем честно, она бы и сама с удовольствием забралась под такое крылышко, потому что было ощущение, что там уютно и надёжно.

Но и это не главное! Взгляд притягивала сама фигура папы. Да он был огромный и словно атлант заботливо и надёжно держал на плечах небо... Но при этом смотрелся так одиноко и напряжённо – ни руки опустить, ни отвлечься на секунду, ни головой повертеть, чтобы увидеть хоть что-то ещё кроме тяжёлого неба на плечах...

Глава 7

Следующая неделя прошла как обычно в режиме перманентной рутины: обращения, нарушения, предотвращения, рапорты, отчёты, предписания...

А ещё этот странный конфликт цыган с местными! Суть его была в том, что цыгане якобы угрожают гражданину Николаенко и его семье расправой и занимаются всяческим вредительством – ломают забор, бьют стёкла в окнах, оставляют на стенах дома скабрёзные надписи и кидают в их колодец дохлых кошек.

Видимых мотивов к этому не было, да и цыгане всё отрицали – эмоционально и дружно, как они умеют. Но и Николаенко с каждым днём втягивал на свою сторону всё больше соседей, и дело грозило обернуться крестовым походом против «ворюг черножопых», как называл своих мнимых обидчиков Николаенко. Ну или наоборот – цыгане поднимутся против местных. Смотри, у кого первыми сдадут нервы.

– Ай-нэ, начальник, ну кого мы трогаем? – в сердцах взмахивал рукой барон Бахтыр Ворончак. – Это они хотят выжить нас отсюда, потому что боятся! Думают, детей у них воровать будем, коней воровать будем, девушек и золото воровать будем – что там ещё в кино показывают? Но мы осёдлые ромалэ, начальник! Нас беда с прежнего места согнала, а не кочевая кровь! Всё что у нас было – сгорело, а всё что осталось, всё до последнего рубля – здесь! – развёл руками, указывая на застроенный пристройками к основному дому двор. – Нам некуда больше идти, мы теперь здесь живём. А цыган, где живёт, там не гадит – это закон!

В его словах была доля правды – стереотипы местных оказались сильны. В этом Андрей убедился, ещё полгода назад, когда маленький, всего на пять семей, табор Ворончака только прибыл в посёлок на жительство. Тогда на районный участок тут же посыпались заявления местных: в каждой бытовой ерунде, на которую раньше никто и внимания бы не обратил, они теперь обвиняли новосёлов и требовали принять меры к их выселению. Правда, с тех пор истерия постепенно почти сошла на нет – и вот, вдруг, опять!

Сама по себе мутная ситуация с Николаенко усугублялась ещё и тем, что проживал он через дорогу – на административном участке Маруновского. И хотя Андрей ноги сбил, нахаживая километры в попытках выяснить обстоятельства конфликта, Николаенко продолжал писать кляузы Маруновскому, а тот шёл напрямую к Львовичу, рапортуя о бездействии Иванова.

– Андрюх, а тебе не кажется, что он тебя просто подсиживает?

В кои-то веки, собравшись с Харламовым в воскресенье вечером у Андрея на кухне, баловались пивком с рыбкой и пытались отвлечься от работы, но всё равно все разговоры сводились к ней, любимой.

– А смысл? – пожал Андрей плечами. – Одной жопой на два участка сесть? Сомнительное удовольствие. К тому же, конфликт между местными и цыганами действительно есть, и я в нём такой же попавший, как и Маруновский. И если полыхнёт, то подпалит нас обоих.

– Да, но ты не строчишь записочки наверх, и не пытаешься любое обстоятельство вывернуть против него. Нет, серьёзно! Мне кажется, он ревнует к тебе Львовича. Ты же, несмотря на то что тот кряхтит с твоих фортелей, всё равно остаёшься у него на высоком личном счету, и это заметно. Вот Маруновский и страдает. Ну, знаешь, тайные страхи и боль жополиза – остаться не удел. – Развернувшись к двери позвал: – Маришка!

Маринка прибежала, Олег сунул ей в рот смачную, янтарную полоску спинки подлещика. Улыбаясь, проводил взглядом.

– Вымахала-то как, егоза! Туда-сюда, и женихи начнутся. Готов держать оборону, Иванов?

– Типун тебе!

Харламов рассмеялся.

– Ну-ну. Что на лето думаешь, в школьный лагерь сдашь?

– Не знаю. Оно и надо бы, конечно, но она не хочет, вплоть до бойкота.

– Ну, это, допустим, не новость. Прошлым летом тоже не хотела, сколько она с тобой не говорила тогда?

– Почти всю первую смену.

– Но потому-то ничего, втянулась. Главное начать, ты же знаешь.

Андрей вздохнул. Помолчал, крутя в пальцах пивную крышку.

– Не уверен я, что это правильно, Олеж. Вот тебя против воли сдать куда-нибудь на три месяца, тебе это как?

– Если надо – я готов!

– Угу. Вопрос только в том, кому это надо. И получается, что она как тот ходок – отбывает срок за клиента. Только те добровольно сидят, а она – потому что отец-раздолбай не может жизнь в нормальную колею вернуть.

– У-у-у, Иванов, это что-то новенькое! Не иначе, кризис среднего возраста бабахнул? Рановато! – посмеиваясь, разлил Олег пиво по кружкам. – И неожиданно. Хотя в целом ты прав. Ну, оставляй тогда дома, куда деваться. Или у вас с новой нянькой так и не срослось?

Андрей промолчал. Срослось ли у них с Красновой на почве детей, это пока сложно сказать, потому что мелкие стычки так никуда и не делись, но вот то, что лично у него как-то неожиданно начало прирастать лично к ней – это да.

... Как в старом добром кино, которое хочется пересматривать снова и снова: поворачиваешь ключ в замке, открываешь дверь, и тут же Маринка несётся: «Папа пришёл!», а Тёмка наоборот – весь в себе и даже не замечает, что в доме что-то неуловимо изменилось. Но Андрей-то замечает...

– Добрый вечер, Андрей Иванович! – выходит из комнаты дева-Весна.

– Добрый, Оксана Васильевна.

Она улыбается:

– Вы опять?

– А, да, – улыбается в ответ Андрей, – забыл, извините. Добрый вечер, Оксана.

Она сама попросила его обращаться к ней без отчества, а он не нашёл весомых причин отказать. Да что там! Оксана даже Маринку повадила обращаться к себе без отчества, да ещё и на «Ты» Обнаружив это, Андрей, конечно, попытался построить всех по местам, но Оксана так ловко уложила его на лопатки... Чем? Да если бы он помнил!

...Потом примерно полчаса «смены караула»: вместе слушают Маринкины рассказы о прошедшем дне, ужинают – тоже обязательно все вместе. Потом дети уходят в комнату, а Андрей с Оксаной остаются вдвоём на кухне и...

Сразу повисает дурацкая неловкая пауза. Андрей зачем-то сосредоточенно роется в своей рабочей папке, Оксана снова и снова бесцельно заправляет за ухо прядь волос и наконец, встаёт:

– Я пойду?

Простой служебный вопрос-утверждение, из категории «Если у вас всё на сегодня, то я пошла», но Андрею постоянно кажется, что она имеет в виду что-то другое. Словно не домой, на законный отдых отпрашивается, а уточняет: «Теперь мне лучше уйти, да?» Вопрос, после которого ему вдруг становится пугающе пусто и так хочется ответить: «Побудь ещё...», но он лишь строго кивает:

– Да, конечно. Завтра как обычно.

Потом стоит у окна, глядя ей в след. А когда она скрывается за углом – призрачная пустота её ухода наваливается вдруг свинцовой тяжестью, и отступает лишь утром, когда «смена караула» ещё короче, пять, максимум десять минут – впритык, чтобы дотянуть до вечера...

Вся эта безобидная с виду история на самом деле была довольно тревожным симптомом для Андрея. Нужно было срочно взять паузу, и, хотя Оксана и пыталась убедить его в том, что ей вовсе не сложно без выходных, Андрей настоял, чтобы она не приходила.

И вот, второй день на исходе, а вместо ожидаемого отрезвления – лишь тягостное ожидание понедельника.

Был бы Андрей пацаном – давно бы решил, что втюрился. Но он был взрослым мужиком на четырнадцать лет старше, а поэтому честно признавал, что дело не в любви. Просто у него давно уже не было нормальной бабы. И в этом плане Краснова точно не вариант, потому что с детьми она, похоже, действительно справляется, и портить эту удачу интимом было бы глупо.

Да и в плане любви – не хотел он этого больше, ни с кем и никогда. И уж тем более с этой вчерашней школьницей, которая, судя по оставленному ею для него письму, ещё тогда была в него слегка... влюблена?

Нет, по тексту там, конечно, ничего такого не было, но однажды прочитав его, Ирка потом долго ещё вставляла Андрею полные пошлых шуточек шпильки. Это-то и заставило его перечитать письмо ещё раз. И хотя ничего нового он в нём не обнаружил, стало как-то неловко за эту неказистую девочку, у которой точно ещё нет друга-мальчика для походов в кино и первых поцелуев по подъездам. Становиться же её романтическими фантазиями Андрею категорически претило, поэтому он и обратился тогда к начальству с просьбой освободить его от почётной миссии бывать в этой школе.

Однако само письмо всё равно хранил дома и, иногда натываясь на него в бумагах, перечитывал и улыбался, потому что, если отбросить навязанные Иркой пошлости, письмо было светлое и трогательное. А потом жена будто бы случайно порвала его на подстилку хомячку, и вместе с письмом постепенно забылась и написавшая его девочка...

Вот пусть так оно всё и останется – в светлом прошлом. Девочки должны дружить с мальчиками, а дяденьки – с тётянками. А иначе получается чёрте что и ополовиненные разводами дети.

Глава 8

В понедельник полетели первые по-настоящему тревожные искры: среагировав на срочный вызов от соседей, дежурная группа доставила в отделение драчунов – Юраша Ворончака и четверых быковатого вида парней из местных, среди которых оказался и сын того самого Николаенко, который утверждал о цыганском заговоре против его семьи.

Юраш был здорово побит, его же противники скорее просто потрёпаны, но дело вырисовывалось невеселое – цыган упрямо молчал, отказываясь от любых показаний, в то время как местные наперебой рассказывали о том, что поймали его с поличным на воровстве прямо в доме у Николаенко.

В итоге, Юраша пришлось задержать до выяснения, а местных отпустить. Потом ещё выдержать осаду участка цыганами, пришедшими отстаивать своего рома⁸.

– Бахтыр, ну не могу я его отпустить! – до хрипа в горле увещевал Андрей барона. – Во-первых, без следствия, а во-вторых – не по адресу ты! Не на моём участке его взяли, понимаешь? Одно точно могу сказать, если он сам не заговорит, то пару суток точно в отделении проживёт.

Но барон лишь заискивающе улыбался и твердил своё:

– Начальник, ты человек справедливый, а я человек слова – так отдай мне сына, мы сами на кругу с ним разберёмся! Жизнью клянусь, что, если он и правда воровал – уже завтра вернётся к тебе с повинной! Наши законы твёрже ваших, начальник! Суд табора – строже любого прокурора!

– Ну не могу я, Бахтыр! Не могу! Не положено!

– Ай, начальник, ну кто узнает? Ты отпусти его ближе к ночи – если не виноват, только хорошее дело сделаешь, а если виноват – слово рома даю, что к утру вернётся с повинной!..

И так до бесконечности! Не говоря уже о галдящих под окнами соплеменниках. А если учесть, что опорный пункт находился на первом этаже жилой многоэтажки, то и вообще... Словом, пришлось даже припугнуть, что если не прекратят безобразие, то Юраша закроют на две недели.

– Юр, ну не пойдёт так, – заглянув перед вечерней планёркой к задержанному, снова попытался убедить его Андрей. – Ну ты же взрослый пацан, понимать должен, что обвинения против тебя серьёзные двигают, и соседи свидетельствуют, что тебя действительно вытащили из дома Николаенко. Эти бугаи тебя вчетвером на одного пинали, а виноватым, в итоге, ты останешься! Ну? Хоть что-нибудь по существу скажи? Я же помочь тебе хочу, Юр! И тебе, и вообще вам! Представляешь, как теперь против вас местные восстанут?

Но тот лишь мотал вихрастой, цвета воронова крыла головой и молчал. Даже запекшуюся на лице кровь смывать отказался, не говоря уж о врачебной помощи.

Среднего роста, поджарый, смуглый и зеленоглазый. Красивый какой-то особенной дикой красотой – ему бы в кино сниматься. По документам ему было двадцать, но выглядел старше – на двадцать два – двадцать три, да и жизненного опыта, похоже, не занимать – шутка ли, с четырнадцати лет женат и уже дважды отец!

Несмотря на его молчание, Андрей имел и собственные предположения по поводу случившегося, но они были настолько фантастическими, что даже озвучивать их казалось глупым. Пусть уж Юраш сам признаётся, если так и есть.

После вечерней планёрки, на которой пришлось молча глотать ярое недовольство Львовича и прущее от Маруновского превосходство, обнаружил в кабинете только что прибывшего с оперативного выезда Харламова. Он жадно глотал воду прямо из графина и покачивал

⁸ Ром – цыган.

выставленным перед собой пальцем – мол, погоди, Андрюха, не уходи. Напившись, достал из ящика стола папку.

– В общем, не так уж и густо по твоей Красновой, прямо скажем, скучненько. – Присев на край стола, принялся перебирать листы. – Что там у нас... Не состоялась, не привлекалась, ну, это понятно. Идём дальше. Умница, отличница. Красный диплом по дошкольной дефектологии. Аспирантка, между прочим, и ассистент кафедры. Реального опыта работы с детьми не имеет, но есть преподавательский опыт в ВУЗе, несколько умных статей, опубликованных в профессиональных изданиях, и большая работа над какой-то особенной программой адаптации. Словом, ценный и перспективный молодой специалист, однако пару месяцев назад неожиданно уволилась из института, хотя многие думали, что наоборот – в ближайшем будущем заманётся на кандидата наук. – Застыл, разглядывая следующий лист. – Так, ну про личную жизнь тебе не интересно будет...

– Что там? – протянул Андрей руку. Слишком нетрепливо. Даже одёрнул себя мысленно.

– Да ничего особенного, – с лёгким сожалением вздохнул Харламов. – Четвёртый год замужем за доцентом Красновым из их же института.

Повисла пауза. Хотя они с Олегом ни разу не обсуждали эту тему – но друг на то и друг, чтобы чувствовать. И тактично помалкивать.

– Это не имеет значения, – нахмурившись, машинально поправил Андрей галстук. — Замужество, это её личное дело. А вот почему уволилась – это может быть интересно. И откуда, после таких научных перспектив, такое рвение на неофициальную должность обычной няньки? Не ради денег, точно.

Харламов развёл руками:

– Надоело быть теоретиком? Решила испробовать свои методы на практике?

– Странно это, тебе не кажется? В таких случаях теорию и практику принято совмещать, разве нет?

– Не знаю, Андрюх, я в этом ни в зуб ногой. Но чисто интуитивно – да, что-то не то.

Перед тем как уйти домой, Андрей снова заглянул в обезьянник, но Юраш по-прежнему упрямо молчал, поэтому пришлось сделать немалый крюк и заехать домой к Николаенко. Хотел лично осмотреть место происшествия, однако, потерпевший его в дом не пустил, сославшись на то, что участковый Маруновский уже всё, что надо зафиксировал. По закону имел право. Но чисто по-человечески – что-то тут было не то!

Вечерняя «смена караула» с Оксаной тоже вышла как никогда комканной. После ужина и Маринкиной неугомонной трескотни, нужно было поймать момент и ненавязчиво вывести Оксану на разговор о её работе в институте. Сверить то, что скажет она с тем, что нарыл Харламов, и тогда уже думать, что к чему, и что с этим делать... Но Андрей только молчал и смотрел в пространство перед собой.

– Трудный день? – словно чуя неладное, вместо дежурного «я пошла?» спросила вдруг Оксана.

Андрей кивнул.

– Да, непростой. А у вас?

– А у нас всё хорошо!

Похоже, даже не поняла, что он спросил её не про детей. Ну потому, что и правда – во-первых, с чего бы ему интересоваться ею лично, а во-вторых, она действительно каждую минуту времени отдавалась детям, это Андрей понял из Маринкиных рассказов ещё на прошлой неделе.

И интрига с внезапным увольнением из института вдруг начала казаться глупостью. Мало ли какие у человека могут быть причины? В конце концов, это её личное дело, где работать.

– А у вас пушинка в волосах, – улыбнулась Оксана и протянула руку, но в последний момент замерла, так и не рискнув прикоснуться. – От тополя. Вот здесь.

– Здесь? – идиотски сосредоточенно, словно выполняя важное задание, провёл Андрей по голове. – Всё?

– Нет, – смущённо прикусила Оксана губу и всё-таки коснулась его волос. – Вот. – Показала пушинку.

Мимолётное касание, тепло её ладони возле щеки, сама ситуация какая-то дурацкая, детская, но шторм от неё в груди закрутился самый настоящий. Неожиданно остро пожалел, что за всю минувшую неделю так ни разу и не поговорил с ней нормально, просто о какой-нибудь ерунде. Просто ни о чём, или наоборот – о чём-нибудь серьёзном, как нормальные люди общаются. Тогда он специально держал дистанцию, подчёркивая рабочий характер их отношений, а сейчас стало вдруг отчаянно интересно какая она в обычной жизни. Но теперь он знал, что она замужем, и что их отношения точно исключительно деловые... и от этого было так неожиданно досадно!

– Оксана, а вы фотографией увлекаетесь? Марина, рассказывала, что вы фотографировали их с Тёмкой на прошлой неделе?

Она вспыхнула.

– Нет, это... Так, просто. Первый раз, просто решила попробовать. Я с этим фотоаппаратом, как мартышка с очками, честное слово! Знаю только, как плёнку перематывать и на спуск нажимать. Разве это можно назвать увлечением?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.